

12+

Опись оставленного

Евгений Волков

Евгений Волков

Опись оставленного

«Издательские решения»

Волков Е. И.

Опись оставленного / Е. И. Волков — «Издательские решения»,

Компания «Второй адрес» помогает людям решать, что оставить, продать, отдать или выбросить. Для Веры это привычная работа: она умеет определять цену вещей и никогда не решает за их владельцев. Но уже пять лет сама хранит прошлую жизнь в складской секции, не решаясь применить собственные правила к себе. Десять квартир. Десять историй. И один вопрос: что действительно стоит оставить?

© Волков Е. И.

© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I. СЕРВИЗ	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	21
ГЛАВА 4	28
ЧАСТЬ II. КРЕСЛО	35
ГЛАВА 5	35
ГЛАВА 6	42
ГЛАВА 7	49
ГЛАВА 8	56
ЧАСТЬ III. ПЛАТЬЕ	63
ГЛАВА 9	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Опись оставленного

Евгений Игоревич Волков

© Евгений Игоревич Волков, 2026

ISBN 978-5-0071-2243-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КАРТОЧКА ОБЪЕКТА

Объект: квартира 214

Площадь: 92 м²

Срок: 6 рабочих дней

Основание: переезд владельца

Предварительный объём: 29 м³

Доступ: пассажирский лифт

ЧАСТЬ I. СЕРВИЗ

ГЛАВА 1

12 января

Елена Варо открыла дверь до того, как Вера успела второй раз нажать звонок.

— Я не глухая, — сказала она вместо приветствия. — Просто этот звонок иногда не срабатывает.

Ей было семьдесят четыре, и к встрече она подготовилась так, будто собиралась сдавать квартиру приёмной комиссии: волосы уложены, тёмные брюки без единой складки, на кухонном столе — папка с документами, ключами и напечатанным планом нового жилья.

Вера показала удостоверение компании, хотя Елена уже видела его неделю назад, когда подписывала договор.

— Заходите. Только обувь можно не снимать. Через шесть дней здесь всё равно будет неизвестно что.

— Через шесть дней здесь будет пусто, — сказал Самир за спиной Веры.

Он переступил порог с лазерным дальномером в руке и сразу посмотрел не на хозяйку и не на мебель, а на ширину входного проёма.

— Это вы тот человек, который будет говорить мне, что шкаф не проходит?

— Если повезёт, шкаф пройдёт.

— А если не повезёт?

— Я буду человеком, который объяснит почему.

Елена кивнула, словно ответ соответствовал заявленной услуге.

Квартира была большой не по нынешним меркам и не показательно старой. Три комнаты, отдельная кухня, длинный коридор с двумя встроенными шкафами, балкон, кладовая. Ремонт делали лет пятнадцать назад: светлый ламинат, кремовые стены, двери цвета бука. Ничего музейного. Ничего такого, что само просилось на фотографию.

На вешалке в прихожей висели четыре пальто.

— Мне почти ничего не нужно, — сказала Елена.

Вера открыла папку на планшете.

— Хорошо. Начнём не с того, что вам не нужно.

— А с чего?

— С того, что должно оказаться в новой квартире.

Елена посмотрела на неё с лёгким разочарованием.

— Я думала, вы как раз помогаете избавляться.

— Помогаем перемещать вещи туда, куда вы решили их переместить. Для этого сначала надо понять, сколько места есть в пункте назначения.

Она положила на тумбу распечатанный план нового жилья. Тридцать восемь квадратных метров: небольшая спальня, общая комната с кухонной линией, ванная, встроенный шкаф в прихожей. На плане уже были нанесены розетки, окна и радиаторы.

— Управляющая дала размеры, — сказала Елена. — Всё очень удобно. Лифт большой. Внизу столовая, но я не собираюсь каждый день там есть.

— Размеры мебели у вас есть?

— Мебели?

— Той, которую вы берёте.

Елена замолчала.

Самир уже измерял комод в прихожей.

— Сто двадцать два на сорок восемь, — сказал он.

— Комод я, конечно, беру.

Вера поставила на плане маленькую отметку.

— Хорошо. Предварительно — оставить. Но сначала проверим стену в новой квартире.

— Он туда встанет.

— Возможно.

— Я измеряла на глаз.

Самир спрятал дальномер в карман.

— Глаз — хороший инструмент. Для выставления счета за повторную перевозку мы предпочитаем рулетку.

Елена рассмеялась. Не обиженно, а коротко и неожиданно громко.

— Ладно. Проверяйте всё.

Это было разрешение на измерение, не на выбрасывание. Вера привыкла различать такие вещи.

По договору владельцем имущества оставалась Елена. Дети могли советовать, спорить и предлагать, но окончательное решение принимала она сама. Никаких доверенностей, никаких наследственных вопросов, никаких сложностей с правом собственности. Для первого крупного заказа после новогодней паузы это было почти роскошью.

— Сегодня ничего не вывозим, — напомнила Вера. — Осмотр, объём, доступ, список крупной мебели. Завтра начинаем сортировку. Если к вечеру будет готов план новой квартиры, сразу станет понятно, что физически туда помещается.

— Я и так знаю.

— Тогда мы быстро это подтвердим.

Вера не спорила с уверенностью клиента, пока уверенность можно было измерить.

Они начали с гостиной.

Елена включила верхний свет, хотя за окнами было достаточно январского дня. В комнате стояли диван, два кресла, низкий шкаф, книжный стеллаж и стол, рассчитанный на шесть человек в обычном состоянии и на десять — если выдвинуть центральную секцию.

— Диван не беру, — сказала Елена.

Вера отметила.

— Кресла?

— Ни одно.

— Стол?

— Нет.

Самир прошёл к стене.

— Шкаф?

Елена посмотрела на низкий шкаф.

— Этот можно взять.

— В новой комнате у нас уже комод, — сказала Вера.

— Комод будет в прихожей.

— Если поместится.

— Он поместится.

Вера записала второй предмет в предварительный список и не стала возвращаться к комоду. Ранний спор редко становился умнее от повторения.

На книжном стеллаже было около двухсот книг. Не коллекция, просто книги, накопленные за много лет: романы, кулинария, сад, несколько путеводителей, альбом по скандинавскому дизайну, словари.

— Книги беру не все, — сказала Елена прежде, чем Вера спросила.

— Хорошо.

- Только любимые.
- Сколько примерно?
- Немного.
- Полка?
- Может быть, две.

Она подошла к стеллажу и сразу сняла три книги.

- Вот эти точно. И эти. Этот справочник тоже. Его уже, наверное, не печатают.

Через минуту у неё в руках было восемь.

Вера ничего не сказала. В первые полчаса клиенты часто пытались решить весь объект, стоя у первого шкафа. Это заканчивалось усталостью раньше обеда.

- Книги завтра, — сказала она. — Сегодня только крупное.

Елена вернула книги на место, но одну положила горизонтально поверх ряда, словно уже отделила от остальных.

Самир присел возле стола и осмотрел крепление ножек.

- Этот разбирается нормально.
- Я его не беру.
- Поэтому и проверяю. Покупателю будет проще, если он разбирается.
- Он дорогой.

Вера подняла взгляд.

- Насколько дорогой?
- Когда покупали, стоил тысячу шестьсот.

Столу было, по оценке Веры, лет четырнадцать. Массивная столешница, шпон, заметные царапины вокруг того места, где обычно стоял центральный поднос. Хороший, крепкий. На вторичном рынке такие столы могли ждать покупателя неделями просто потому, что мало кому сейчас нужен стол длиной два с лишним метра.

— Дара завтра посмотрит производителя и состояние, — сказала Вера. — Но первоначальная цена и нынешняя рыночная — разные вещи.

- Я понимаю.

Тон Елены означал, что в теории она действительно понимала.

- За сто евро я его не отдам.
- Сегодня никто не предлагает вам сто евро.
- Просто говорю заранее.

Вера поставила пометку: «оценка». Не «продать».

На стене висели три картины — репродукции в хороших рамах. Елена сама сказала, что одну возьмёт. Потом вторую тоже. Третью — возможно, если будет место.

У окна стоял торшер.

- Его беру.

Вера добавила его в список.

- Он очень хороший, — сказала Елена. — Настоящий, старый.
- Завтра Дара посмотрит.
- Я помню, где его покупала. Магазин давно закрылся.
- Тем более пусть посмотрит.

Вера не любила угадывать цену предмета, если рядом был человек, который делал это лучше. На торшере могло оказаться что угодно: известный производитель, поздняя реплика, обычная серийная модель. Возраст сам по себе был плохим прайс-листом.

Через двадцать минут список «предварительно оставить» уже содержал комод, низкий шкаф, торшер, две картины, один приставной столик и напольное зеркало.

- Почти ничего, — сказала Елена, когда Вера прочитала список.
- Именно.

— Вы смеётесь?

— Пока нет.

В спальне стояла двуспальная кровать.

— Кровать не беру. Там уже есть.

— Матрас?

— Новый куплю. Этот старый.

— Хорошо.

— Тумбочки беру.

Их было две.

— Обе?

Елена посмотрела на них так, будто вопрос был странным.

— Конечно. Они парные.

— В новой спальне от кровати до стены по плану семьдесят восемь сантиметров с одной стороны и восемьдесят четыре с другой.

Самир измерил тумбочку.

— Пятьдесят два.

— Значит, помещаются.

— Помещаются, — согласилась Вера. — Вопрос только в том, хотите ли вы оставить проход.

Елена посмотрела на план.

— Одну.

Вера зачеркнула цифру два и поставила один.

Первое решение дня, которое изменилось не из-за воспоминаний, цены или уговоров, а из-за двадцати шести сантиметров свободного прохода.

Это Вера любила в размерах. Они не были умнее людей, но хотя бы не притворялись.

Встроенный шкаф в спальне они не трогали. Вера только открыла двери, оценила объём и закрыла обратно. Одежда будет завтра. То же самое произошло с ящиками комода: содержимое сейчас не имело значения.

В ванной всё было проще. Стиральная машина оставалась покупателю квартиры по отдельной договорённости, высокий узкий шкафчик Елена брать не собиралась, а четыре полотенца, висевшие на сушилке, пока вообще не относились ни к одной категории.

— Я же не буду сегодня решать полотенца? — спросила она.

— Не будете.

— Хорошо. Тогда мне начинает нравиться ваш метод.

Вера отметила только то, что влияло на вынос: стиральную машину не трогать, шкафчик — возможная передача или благотворительность после проверки состояния. Наклейку на него она пока не клеила. Наклейка выглядела для клиента как уже принятое решение, даже если на ней было написано «уточнить».

Балкон требовал другого типа внимания. Там стояли два складных стула, пластиковый ящик с садовыми перчатками и маленькими инструментами, пустые цветочные горшки, ведро и свёрнутый коврик.

— В новой квартире есть балкон? — спросил Самир.

— Французский.

Он посмотрел на два стула.

— Тогда сидеть там будет трудно.

— Эти я отдам.

Елена сказала это сразу, и Вера впервые поставила окончательную пометку: «ОТДАТЬ — 2 складных балконных стула, после проверки». Не потому, что они уже покидали квартиру. До завтрашнего осмотра состояния ни одна вещь не уходила. Но решение владельца было ясным.

— Горшки тоже.

— Все?

Елена посмотрела на них.

— Нет. Три больших оставляю.

— Куда?

Вопрос прозвучал слишком быстро. Елена нахмурилась, а Вера сама увидела ошибку: она снова перескочила от решения к логистике.

— Неважно, — поправилась она. — Пока три больших — оставить. Где именно они будут стоять, решим после замеров.

Елена выбрала три горшка: два терракотовых и один дешёвый зелёный пластиковый. Остальные шесть остались на полу отдельной группой.

Так к концу первого круга по квартире у них появилось всего одно действительно окончательное решение и несколько предварительных. Для двух часов работы это было нормально. Ненормально было бы создать впечатление, что три комнаты можно разобрать за счёт хорошей цветовой системы наклеек.

В кладовой Самир нашёл три складных сушилки для белья.

— Не спрашивайте, — сказала Елена.

— Я ещё ничего не сказал.

— Одну покупала я. Вторую привезла дочь, когда первая сломалась.

Самир поднял первую сушилку. Она раскрылась без сопротивления.

— А третья?

— Третью я купила, потому что забыла, что дочь уже привезла вторую.

— Все исправны, — сообщил Самир.

— Это хуже всего.

Вера поставила в записках «сушилки — решение завтра» и пошла дальше.

Кухня оказалась первой комнатой, где теория «мне ничего не нужно» окончательно потеряла форму.

Елена собиралась взять кофеварку, чайник, две кастрюли, одну сковороду, «немного посуды» и ножи.

Потом выяснилось, что маленькая чугунная кастрюля тоже нужна.

И форма для запекания.

И стеклянная миска, потому что в ней удобно делать салат.

И вторая стеклянная миска, потому что первая «совсем для другого».

Вера не спорила. Они сегодня не сортировали кухню.

Она только проверила количество шкафов на плане нового жилья: четыре нижних секции, три верхних, один узкий пенал.

— Там ещё посудомоечная машина, — напомнила Елена.

— Она занимает одну нижнюю секцию.

— Да.

— И духовка.

Елена посмотрела на план так, словно архитекторы могли бы предусмотреть ещё один шкаф, если бы лучше постарались.

— Завтра начнём с того, что вы используете каждую неделю, — сказала Вера. — Остальное потом.

— Я всё использую.

На подоконнике стояла вафельница с намотанным вокруг неё шнуром.

Вера посмотрела на неё.

Елена тоже.

— Почти всё.

Самир кашлянул и занялся измерением кухонного стола.

Вера подошла к высокому буфету у дальней стены.

— Это отдельный предмет или встроенный?

— Отдельный. Но его я точно не беру.

— Хорошо.

Она открыла верхнюю дверцу, чтобы проверить крепления полок перед будущим выносом.

За стеклом стоял сервиз.

Белый фарфор с тонким золотым кантом. Тарелки были уложены по размеру, чашки висели на маленьких крючках, соусник стоял внутри овального блюда. Ничего необычного. Большой столовый комплект, из тех, которые покупали не для вторичного рынка, а для дома, где считалось нормальным держать отдельную посуду на случаи, когда приходят все.

Елена подошла ближе.

— Вот это вообще не проблема.

Вера не коснулась посуды.

— В каком смысле?

— Это детям.

— Кому именно?

— Лизе и Мартину. Они разберутся.

— Комплект хотите разделить?

Елена нахмурилась.

— Зачем его делить?

— Тогда кому из них?

— Не знаю. У кого место будет.

Вера посмотрела на буфет. Даже без упаковки сервиз занимал почти две полки. В коробках получится больше.

— Мы можем завтра отдельно его посчитать и сфотографировать. Пока поставлю «передать», решение по получателю отложено.

— Да.

— Вы уже говорили с детьми?

Елена чуть помедлила.

— Они знают, что я переезжаю.

Вера не стала подменять один вопрос другим.

— Про сервиз?

— Не конкретно.

— Хорошо. Тогда до разговора с ними мы его не пакуем на передачу.

— Почему?

— Потому что для передачи нужен человек, который согласился принять.

Елена опёрлась пальцами о край буфета.

— Они примут.

— Возможно.

— Это семейный сервиз.

Вера внесла строку в планшет: «Столовый сервиз, белый/золотой кант. Предварительно: ПЕРЕДАТЬ. Получатель не подтверждён».

Она не писала «ценный», потому что цена ещё не определена. Не писала «семейный», потому что для маршрута предмета это ничего не меняло.

— Завтра Дара сможет посмотреть марку, — сказала Вера. — И если хотите, Маркус сразу рассчитает, что дешевле: доставка одному из детей или хранение до их приезда.

— Никакого хранения, — сказала Елена. — Я не собираюсь платить за вещи, которые уже решила отдать.

— Тогда нужен подтверждённый адрес.

— Будет.

Вера закрыла дверцу буфета.

К концу осмотра Самир насчитал восемь крупных предметов мебели, которые потенциально могли ехать в новую квартиру, хотя по первоначальному разговору их должно было быть три. Вера сверила габариты с планом и поняла, что даже без книг, одежды и кухонных вещей новая квартира уже начинала заполняться на бумаге.

Перед тем как сесть, Вера сделала несколько общих фотографий комнат — только для рабочего файла, как было прописано в договоре. Не семейные фотографии на стенах крупным планом, не содержимое ящиков, а мебель, проходы и доступ к дверям.

Она отправила в общий рабочий чат три снимка и короткую запись: «214. Завтра 9:00. Дара — оценка гостиной и буфета. Маркус — к 11:00, после первичной сортировки, проверить маршруты отдачи/продажи. Самир — замер нового адреса сначала».

Маркус почти сразу ответил: «Парковку на новом адресе проверю. На старом разрешение до 16:00 подтверждено».

Дара прислала только: «Торшер сними снизу, если удобно».

Вера вернулась в гостиную, присела и сфотографировала основание лампы. На металле была старая бумажная наклейка, надпись на которой почти стёрлась. Она отправила снимок Даре.

Ответ пришёл через минуту: «Не продавайте до меня. Может быть интересно. Может быть вообще ничего. Завтра посмотрю».

Именно поэтому Дара была хорошим оценщиком: она редко превращала слово «старый» в слово «дорогой» до того, как предмет оказался у неё в руках.

Они снова сели за кухонный стол.

Елена принесла воду, хотя никто не просил.

— Значит, завтра вы приходите и начинаете выбрасывать?

— Нет, — сказала Вера. — Завтра мы начинаем решать.

— По срокам ещё раз, — сказала Вера. — Завтра и послезавтра сортировка. В четверг начинаем упаковку того, что едет с вами, и параллельно фотографии на продажу. Пятница и понедельник — вывоз по категориям. Последний день оставляем на крупную мебель, остатки и проверку квартиры.

— А если что-то не продается?

— За шесть дней продаётся далеко не всё. То, что вы согласуете на продажу, может уехать на наш склад на ограниченный срок или напрямую партнёру. Это будет отдельное решение по каждой позиции.

— Я не хочу, чтобы мои вещи месяцами стояли неизвестно где.

— И мы не хотим. Наш склад для транзита, не для долгого хранения.

— Хорошо.

— Деньги от продажи идут вам за вычетом согласованной комиссии. Утилизация и перевозка считаются по фактическому объёму. Сегодняшний осмотр входит в стоимость заказа.

Елена кивнула. Финансовая часть явно была для неё проще разговора о мебели.

— А благотворительность?

— Только то, что они подтвердят. Мы не можем привезти им двадцать коробок и объявить, что теперь это их проблема.

— Разумно.

— Особенно разумно для тех, кто потом оплачивает вывоз того, что никому не нужно.

Она повернула к Елене планшет.

На схеме новой квартиры прямоугольниками уже стояли кровать, одна тумбочка, комод, низкий шкаф, зеркало и торшер. Возле двух предметов были вопросительные знаки.

— Сегодня было ваше «мне почти ничего не нужно», — сказала Вера. — А это то, что вы уже назвали за первый час. И мы ещё не открывали одежду, книги, кухонные шкафы и кладовую по-настоящему.

Елена долго смотрела на схему.

— В комнате пусто выглядит.

— Потому что прямоугольники не показывают дверцы шкафов, проходы и место, где вы будете ставить стул, когда захотите сесть.

— Я могу взять меньше мебели.

— Конечно.

— Низкий шкаф, наверное, не нужен.

Вера не зачеркнула его.

— Решите завтра после того, как увидим новую квартиру с точными размерами.

— Вы хотите туда ехать?

— На двадцать минут. Перед началом сортировки. Если размеры на плане точные, быстро закончим. Если нет — хорошо, что выясним это до фургона.

Елена кивнула.

Потом постучала ногтем по планшету.

— А стол совсем не войдёт?

— Войти может. После этого вам придётся обходить его боком.

— Значит, не войдёт.

— Для нашей работы это две разные категории.

Елена снова рассмеялась.

У двери Самир убрал рулетку в сумку и проверил время парковочного разрешения.

— Завтра в восемь тридцать?

— В девять, — сказала Елена. — В восемь тридцать я ещё человек, который пьёт кофе.

— В девять, — согласилась Вера.

Она надела пальто.

Елена осталась в дверях кухни, где за её спиной был виден буфет со стеклянными дверцами.

— Дети, конечно, заберут сервиз, — сказала она.

На этот раз Вера ничего не записала.

— Тогда завтра узнаем, куда его везти.

ГЛАВА 2

13 января

Дара пришла к Елене в девять тридцать две, когда Самир уже стоял в прихожей на одном колене и переносил размеры с бумажного плана в рабочую схему.

— На три сантиметра уже, — сказал он вместо приветствия.

— Что именно?

— Стена в новой гостиной.

— Катастрофа?

— Пока только разочарование.

Вера сняла пальто и повесила его рядом с входной дверью. Они с Самиром успели съездить в новую квартиру до приезда Дары: двадцать минут на замеры, ещё десять на разговор с управляющей и столько же на дорогу обратно. План, выданный Елене, оказался достаточно точным, чтобы не переделывать всю схему, и достаточно неточным, чтобы низкий шкаф из гостиной перестал быть очевидным решением.

Елена стояла рядом, держа чашку кофе.

— Я уже отказалась от шкафа, — сказала она.

— От какого? — спросила Дара.

— От низкого. Хотя он хороший.

— Хороший — не категория маршрута.

— Вот поэтому я дождалась вас, прежде чем его кому-нибудь пообещать.

Дара одобрительно кивнула. Это было почти всё, чего она хотела от клиента в первые часы сортировки: не обещать вещь трём разным людям и не выставлять её на продажу до того, как кто-нибудь посмотрит, что это вообще такое.

На полу гостиной уже стояли четыре сложенные коробки. Маркус привёз их вместе с упаковочной бумагой и уехал проверять адрес благотворительного склада. На боках крупно были напечатаны категории: ОСТАВИТЬ, ПРОДАТЬ, ОТДАТЬ и ПЕРЕРАБОТАТЬ. Серая пластиковая корзина без крышки была предназначена для «ОТЛОЖИТЬ» — вещей, решение по которым клиент не обязан был принимать в ту же минуту.

— Сегодня действительно начинаем? — спросила Елена.

— Сегодня действительно начинаем, — сказала Вера. — Но не со всей квартиры сразу.

Дара сняла пальто, достала из сумки хлопковые перчатки, лупу и маленький фонарик.

— Я начну с гостиной и буфета. Потом торшер.

— Сначала торшер, — сказала Елена. — Мне интересно.

Торшер стоял у окна там же, где вчера. Дара попросила Самира немного отодвинуть приставной столик, чтобы не задеть его основанием, и присела.

Бумажная наклейка снизу почти выцвела, но не настолько, чтобы исчезли первые три буквы названия производителя и номер модели. Дара протёрла край сухой салфеткой, подсветила наклейку сбоку и сделала две фотографии.

— Ну? — спросила Елена.

— Минуту.

Дара не любила слово «ну» в оценке предметов. Обычно оно означало просьбу немедленно превратить возраст в цену.

Латунная стойка была потемневшей, но без глубоких повреждений. Опаловый плафон — оригинальный, судя по посадке и креплению. Провод меняли, причём аккуратно. Ножной выключатель был уже современным. На основании имелась царапина длиной в два пальца.

Она открыла каталог в телефоне и проверила номер модели.

— «Норден Лихт», модель пятьдесят два, — сказала она. — Конец шестидесятых или самое начало семидесятых. Серия не редкая, но удачная. Плафон родной.

Елена улыбнулась.

— Я же говорила, настоящий старый.

— Старый — да. Это как раз легко доказать. Теперь сложнее: сколько за него дадут.

— Я его не продаю. Я беру его с собой.

Дара посмотрела на Веру. Та ничего не сказала, только развернула планшет так, чтобы Елена видела схему новой комнаты.

Торшер уже был нанесён возле кресла, которое Елена собиралась купить после переезда. Рядом оставалось не очень много свободного пространства.

— Если бы продавали, — продолжила Дара, — я бы начала примерно с пятисот двадцати. Реальная сделка, скорее всего, будет где-то между четырьмястами двадцатью и пятьюстами. Может быть быстрее, может быть дольше. Зависит от покупателя.

Елена перестала смотреть на схему.

— Пятьсот?

— Не обещаю пятьсот. Я говорю диапазон.

— Я думала, он стоит евро пятьдесят.

— Пятьдесят за него я бы вас ругала.

— А стол вчера стоил тысячу шестьсот и теперь, по словам Веры, может оказаться никому не нужен.

— Именно поэтому первоначальный чек плохо работает как оценочный инструмент.

Дара поднялась и ещё раз посмотрела на торшер целиком. Ей нравилась его форма: тонкая стойка, тяжёлое круглое основание, плафон без лишнего украшения. Но нравиться предмету и иметь смысл в новой квартире были разные профессии.

Елена снова посмотрела на план.

— А если я его продам, потом такой не найду.

— Вероятно, найдёте. Но это будет уже не ваш торшер.

— Вы сейчас помогаете мне оставить его или продать?

— Ни то ни другое. Вы спросили, сколько он стоит.

Елена помолчала.

— Оставьте пока.

Вера не меняла категорию. На планшете торшер остался в «ОСТАВИТЬ».

— Хорошо, — сказала она. — Вернёмся к нему, когда закончим раскладывать комнату на плане.

Дара перешла к низкому шкафу. Здесь всё было значительно скучнее и потому проще. Добротный серийный предмет начала двухтысячных, шпон, целые направляющие, небольшое повреждение у задней ножки. В каталоге старого производителя модель не представляла интереса. Продать можно было, но не за сумму, ради которой имело смысл занимать место на транзитном складе неделями.

— Если выставить самим, — сказала Дара, — семьдесят-восемьдесят евро и ждать. Если нужен быстрый маршрут — «Дом Снова», если они подтвердят, что сейчас принимают такие шкафы.

— Он стоил почти восемьсот.

— Верю.

Дара сказала это без иронии. Люди редко сообщали старую цену, чтобы похвастаться. Чаще они пытались понять, куда исчезли деньги, когда вещь ещё стояла перед ними целая и рабочая.

— И что с ним случилось за пятнадцать лет? — спросила Елена.

— Ничего особенного. Просто у человека, которому сегодня нужен такой шкаф, есть выбор между вашим за восемьдесят, новым за двести и десятками похожих за пятьдесят. Рынок не знает, сколько вы за него заплатили.

— Невоспитанный рынок.

— Очень.

Елена фыркнула и сказала Вере:

— Отдать. Если «Дом Снова» возьмёт.

Вера поменяла предварительную отметку на «ОТДАТЬ — подтверждение организации». Самир наклеил маленькую зелёную этикетку на внутреннюю сторону дверцы, где она не портила поверхность.

Первый крупный предмет сменил маршрут окончательно.

После этого они добрались до книжного стеллажа.

Вера поставила на стол две пустые коробки и одну серую корзину.

— Не выбираем двести книг по одной, — сказала она. — Сначала только те, по которым ответ возникает сразу.

Елена сняла с полки вчерашний горизонтально лежавший справочник.

— Этот сразу.

— Оставить?

— Да.

Книга легла в коробку с синей этикеткой. За ней — два романа, тонкий сборник рецептов и альбом по скандинавскому дизайну. На шестой книге Елена остановилась.

— Вот эту мне подарила Лиза.

Вера не задала вопроса, нужен ли подарок. Она спросила:

— Хотите взять её в новую квартиру?

Елена пролистала несколько страниц.

— Не знаю.

— Тогда сюда.

Серая корзина получила первую книгу.

Дара занималась полкой ниже и вынимала предметы, которые случайно жили среди книг: керамическую вазочку, стеклянную фигурку птицы, деревянную шкатулку. Ничего из этого не требовало отдельной оценки. Вещи были не плохие; просто старость не успела сделать их редкими.

К одиннадцати часам в гостиной уже можно было увидеть работу. Не пустоту — до пустоты было далеко, — а направления. Одна коробка с книгами ехала с Еленой. Семь книг лежали в «отложить». Низкий шкаф ожидал ответа благотворительной организации. Третья картина со стены после короткого раздумья перешла в «ОТДАТЬ». Диван и большой стол всё ещё числились на оценке/продаже и оставались на местах.

Маркус вернулся с улицы и сразу сообщил:

— «Дом Снова» шкаф по фотографии предварительно берёт. Нужно подтвердить размеры и фото повреждения. Забор у них только в пятницу.

— Прекрасно, — сказала Елена. — Хоть кто-то хочет мои вещи.

Фраза была сказана легко, но Дара заметила, как Вера подняла голову.

— Организация хочет шкаф, — сказала она. — С детьми по сервису мы пока ещё не говорили.

— Сейчас поговорим.

Елена произнесла это слишком быстро.

Дара посмотрела на буфет.

До него они ещё даже не добрались.

— Сначала я его посчитаю, — сказала она. — Чтобы мы хотя бы знали, о чём говорим.

На кухонный стол постелили чистое хлопковое покрывало. Дара открыла буфет и стала передавать предметы по одному. Вера записывала количество. Елена стояла рядом и поправляла расположение тарелок всякий раз, когда очередная стопка становилась, по её мнению, слишком близко к краю.

Комплект оказался не полным.

Одиннадцать больших тарелок вместо двенадцати. Десять десертных. Двенадцать суповых. Одиннадцать чашек и двенадцать блюдец. Два овальных блюда, соусник, сахарница, молочник и большая супница, которую Елена назвала «той самой ужасной штукой, которую никто никогда не использовал».

— Почему храните? — спросил Маркус.

— Потому что она из сервиза.

— Принято.

Он больше ничего не сказал.

На двух тарелках Дара нашла мелкие сколы по нижнему краю. Золотой кант местами истончился. Клеймо было хорошо читаемо.

— «Реллан», серия «Линнея», — сказала она. — Конец восьмидесятых — начало девяностых. Хорошее серийное производство. Не антиквариат.

— Никто и не говорил, что антиквариат.

— Я знаю. Просто сразу отделяем возраст от категории.

Елена взяла блюдо и провела пальцем по золотой полосе.

— Мы его покупали к двадцатой годовщине.

Дара не знала, кого Елена имела в виду под «мы», и не спрашивала. Для оценки это ничего не меняло.

— В полном комплекте и идеальном состоянии я бы ставила выше. Ваш, если продавать одним лотом, примерно сто восемьдесят — двести пятьдесят евро. Возможно, придётся снижать.

Елена подняла голову.

— За всё?

— За всё.

— Мы платили больше тысячи.

— Не сомневаюсь.

— Это фарфор.

— Да.

— И золото.

— Декоративный кант. Его стоимость не считается по весу золота.

Елена поставила блюдо на стол чуть резче, чем требовалось.

Дара понимала это раздражение. Человек видел перед собой тот же предмет, за который когда-то заплатил большую сумму. Предмет не превратился в мусор, не сломался пополам, не исчез. Просто окружающий мир перестал хотеть его в прежнем количестве и по прежней цене.

— Разделять комплект на продажу я бы не советовала, — продолжила она. — Отдельные чашки можно продавать дольше и в итоге получить примерно те же деньги. Если цель — передать детям, рыночная цена вообще не главный вопрос.

— Конечно не главный.

Вера посмотрела на часы.

— Вы хотели им позвонить.

Елена взяла телефон с подоконника.

— Сначала Лизе.

Она набрала номер и включила громкую связь только после второго гудка, потому что одной рукой начала складывать чашки обратно на покрывало.

— Мам? — раздался женский голос.
— Лиза, ты занята?
— На работе. А что случилось?
— Ничего не случилось. Мы разбираем квартиру. Про сервиз хотела спросить.
Небольшая пауза.
— Какой сервиз?

Елена посмотрела на Дару так, будто вопрос дочери требовал внешнего свидетеля.

— Наш. Белый с золотым.

— А.

— Я его вам с Мартином отдаю. Нужно решить, кому везти.

На этот раз пауза была длиннее.

— Мам, а обязательно весь?

Елена выпрямилась.

— В каком смысле?

— Ну... весь сервиз. У нас реально нет места.

— У тебя большая кухня.

— Большая для нашей квартиры. Но шкафы не резиновые. И у нас своя посуда.

— Эта лучше.

Лиза засмеялась, но быстро перестала.

— Может быть. Но мы всё моем в посудомойке.

— И что?

Дара посмотрела на золотой кант.

Лиза, видимо, знала то же самое.

— Я не хочу туда его ставить. А вручную я сорок предметов после праздника мыть не буду.

— Там не сорок.

Вера тихо повернула планшет к Даре. На экране стояло число шестьдесят два.

Дара прикусила губу.

— Ладно, — сказала Елена. — Тогда возьми чашки, тарелки. Не обязательно супницу.

— Мам, я не хочу, чтобы ты сейчас из-за меня делила комплект.

— Я не из-за тебя. Я тебе отдаю.

— Я понимаю. Но если я не хочу его получить, ты всё равно отдаёшь мне?

На кухне стало тихо.

Маркус перестал складывать упаковочную бумагу. Самир, который до этого проверял крепления буфета, вышел в коридор с рулеткой. Дара не знала, было ли это деликатностью или у него действительно нашлось измерение, которое нельзя было отложить.

Елена сняла громкую связь и приложила телефон к уху.

— Хорошо. Потом поговорим.

Она закончила разговор.

— У неё всегда мало места, — сказала она.

Никто не ответил.

— Мартин возьмёт.

Второй звонок она сделала без громкой связи.

Дара видела только её лицо и слышала половину разговора.

— Да, сервиз... Нет, не сейчас приехать... Я спрашиваю, куда везти... Почему сразу «нет»?.. У тебя же кладовка... При чём тут лыжи?.. Нет, я не хочу продавать... Я сказала, не хочу... Хорошо. Хорошо, Мартин. Потом.

Телефон лёг на стол.

Дара не стала спрашивать результат.

Елена сказала сама:

— У него в кладовке, оказывается, лыжи.

Маркус посмотрел на Веру.

— Лыжи обладают сильным лобби, — сказал он.

Елена неожиданно рассмеялась. Смех продержался секунду, потом она покачала головой.

— Никому не нужен.

Это прозвучало уже не о лыжах.

Вера закрыла рабочий список.

— Пока правильнее сказать: ни Лиза, ни Мартин не согласились взять весь комплект.

— Какая разница?

— Такая, что вам не обязательно сегодня решать его судьбу целиком.

— Вы же говорили, что хранить не хотите.

— На нашем складе месяцами — не хотим. Но «ОТЛОЖИТЬ» существует именно для решения, которое пока не принято. До конца работы сервис может остаться здесь.

Елена посмотрела на разобранный комплект, занявший почти весь стол.

— И что потом?

— Потом вы решите: оставить часть, предложить кому-то ещё, продать, отдать. Или снова спросить детей, если они захотят подумать. Но мы не будем отправлять им коробки без согласия.

Дара сняла перчатки.

Елена взяла одну чашку, перевернула, посмотрела на клеймо и поставила обратно.

— Двести евро, — сказала она.

— Примерно, — ответила Дара.

— За всё это.

— Цена продажи и то, что оно для вас значит, могут быть совершенно разными числами.

Елена посмотрела на неё.

Дара пожалела о формулировке сразу после того, как произнесла. Она звучала слишком аккуратно, почти как строчка для буклета.

Поэтому она добавила:

— И покупателю до этого, к сожалению, нет никакого дела.

— Это уже больше похоже на правду.

Они сложили сервис обратно. Не в транспортные коробки — это означало бы маршрут, которого ещё не было. Каждая стопка вернулась на полку буфета. Чашки снова повисли на крючках. Супница заняла своё бесполезное большое место.

На внутреннюю сторону дверцы Вера приклеила серую карточку:

ОТЛОЖИТЬ. РЕШЕНИЕ ДО ОКОНЧАНИЯ РАБОТ.

Елена прочитала надпись.

— До понедельника?

— До понедельника, — сказала Вера.

После обеда они вернулись в гостиную. Работа пошла быстрее. Елена оставила четырнадцать книг, ещё одиннадцать отправила в серую корзину, остальные пока не трогали. Третью картину «Дом Снова» не принимал, и Маркус предложил включить её в общую благотворительную партию через «Новую Полку» после подтверждения. Диван сфотографировали для предварительного объявления, но не публиковали до согласования цены. Стол Дара оценила в диапазоне двухсот пятидесяти — трёхсот пятидесяти евро при условии самовывоза; Елена сказала, что подумает до завтра.

Торшер всё это время стоял у окна.

К четырём часам на плане новой квартиры стало ясно, что после отказа от низкого шкафа у Елены появилось место для кресла и нормального прохода. Торшер помещался тоже, но только в одном удобном месте — между окном и будущим креслом.

Елена подошла к нему.

— Пятьсот двадцать вы бы поставили?

— Начала бы с этого, — сказала Дара. — Не факт, что продала бы за столько.

— А быстро?

— Если нужно быстро, четыреста двадцать — четыреста пятьдесят выглядят реалистичнее.

— И кто-то действительно купит старую лампу за четыреста евро?

— Если найдётся человек, которому нужна именно эта старая лампа.

Елена провела ладонью по стойке.

— Тогда продавайте.

Вера подняла планшет.

— Уверены? Утром вы её оставляли.

— Утром я думала, что она ничего не стоит и просто люблю, как она светит. За четыреста с лишним я могу купить другую лампу, которая тоже будет светить.

— Это не обязательно лучший критерий, — сказала Дара.

Елена повернулась к ней.

— Вы же только что объясняли мне рынок.

— Я объясняла цену. Не решение.

Елена ещё раз посмотрела на торшер.

— Продавать.

Вера изменила категорию.

Маркус поставил рядом белую карточку с номером позиции, сфотографировал торшер целиком, основание, плафон, наклейку производителя и царапину. В объявление он должен был внести повреждение отдельно. До продажи лампа оставалась в квартире; если покупателя не будет к пятнице, её перевезут на транзитный склад по согласованному сроку.

Дара смотрела, как Маркус фотографирует царапину крупным планом.

Утром Елена была уверена, что ценная для неё вещь ничего не стоит, а сервиз, который она не собиралась оставлять себе, должен был иметь очевидный вес для детей. К вечеру рынок исправил только первую ошибку. Со второй он вообще ничем не мог помочь.

— На сегодня всё? — спросила Елена.

Вера посмотрела на часы.

— Для решений — да. Самир ещё снимет дверцы со шкафа, который уходит в пятницу, чтобы проверить крепёж, и поставит обратно. Ничего не вывозим.

— Хорошо.

Елена подошла к буфету и проверила, закрыта ли стеклянная дверца.

Серая карточка была видна только изнутри. Снаружи сервиз выглядел ровно так же, как утром.

— До понедельника, значит, — сказала она.

— До понедельника, — ответила Вера.

Дара собрала лупу и перчатки в сумку.

Некоторые решения после целого рабочего дня занимали меньше места, чем утром. Другие — те же две полки.

ГЛАВА 3

15 января

К десяти утра в квартире Елены стало заметно, что вещи умеют занимать место даже после того, как по ним принято решение.

В прихожей стояли четыре закрытые коробки с синей маркировкой «ОСТАВИТЬ». На двух были подписаны «КУХНЯ», на одной — «КНИГИ», на последней — «СПАЛЬНЯ». У стены ждали два мешка чистой одежды для «Новой Полки». Отдельный прозрачный пакет с изношенными полотенцами и постельным бельём Маркус вечером должен был отвезти в текстильную переработку. Балконные складные стулья были сложены у входа и перетянуты ремнём.

Накануне они успели пройти спальню, ванную, большую часть кухни и второй встроенный шкаф в коридоре. Комната не стала пустой, но перестала быть неопределённой. На кровати больше не лежали стопки одежды. Из ванной исчезли запасы шампуня, которые Елена сначала собиралась перевезти все, а потом оставила себе два закрытых флакона и один начатый. Одна сушилка ехала с ней, вторая ждала благотворительного маршрута, третью с треснувшим фиксатором отложили к раздельной переработке металла и пластика.

Сегодня упаковка уже шла всерьёз.

Самир заклеивал коробку с кухонной посудой, прижимая клапаны ладонью.

— Не ставьте сверху книги, — сказала Елена.

— На коробке написано «стекло».

— Люди иногда не читают.

— Поэтому я ещё нарисовал бокал.

Елена посмотрела на чёрный рисунок маркером.

— Это похоже на лопату.

Самир оценил собственную работу.

— Тогда сверху точно не поставят книги.

Вера проверила список на планшете. Сегодня у них было два внешних вывоза: в половине одиннадцатого «Дом Снова» забирал низкий шкаф и два складных стула, после обеда Маркус вёз текстиль и благотворительные коробки. Большой стол стоял в объявлении за триста сорок евро с возможностью торга. За сутки пришёл один вопрос о длине в разобранном виде и ни одного предложения. Диван интересовал двух человек, но оба спрашивали о доставке, которой в цену не было. Торшер собрал несколько сохранений на площадке и ни одного покупателя.

Рынок пока вёл себя как рынок, а не как удобный сотрудник их компании.

— Где сервис? — спросила Вера.

Елена, которая до этого проверяла подписи на коробках, ответила не сразу.

— На кухне.

Буфет стоял на прежнем месте, но дверцы были открыты. На столе лежало чистое покрывало, а на нём — две группы тарелок.

Рядом стояли две новые коробки.

На одной крупно было написано «ЛИЗА».

На другой — «МАРТИН».

Вера остановилась у стола.

— Они согласились взять часть?

— Я решила не отдавать им всё сразу.

— Это другой вопрос.

— Лиза говорила, что у неё нет места для всего сервиса. У Мартина тоже. Значит, разделим.

Елена говорила деловым тоном человека, который обнаружил ошибку в расчётах и уже исправил её самостоятельно.

В коробке Лизы лежали шесть больших тарелок, пять суповых, шесть блюдец и пять чашек. В коробке Мартина — оставшиеся большие тарелки и несколько десертных. Супница всё ещё стояла посередине стола, потому что даже арифметика не могла сделать из неё два предмета.

— Они знают, что вы так решили? — спросила Вера.

— Я написала им утром, чтобы заехали.

— Что именно написали?

Елена посмотрела на неё.

— «Заедьте сегодня, разберём сервиз».

— Хорошо. Тогда пока не упаковываем.

— Почему? Они же приедут.

— Потому что коробка с именем человека ещё не означает, что он согласился её забрать.

— Но я не заставляю.

Вера взяла с края стола рулон упаковочной бумаги и отодвинула его от двух коробок.

— Тогда подождём, пока они скажут, что именно берут.

Елена чуть сжала губы.

— Вы всегда так буквально относитесь к подаркам?

— К адресам — да.

Самир из гостиной спросил:

— Эту коробку закрывать или она участвует в семейной дипломатии?

— Закрывать, — сказала Вера.

— Отлично. С дипломатией у меня нет страховки.

Елена фыркнула, но чашку, которую уже собиралась завернуть, положила обратно.

Вера помогла ей снять несколько тарелок из коробки и вернуть на покрывало. Они не раскладывали весь комплект заново по буфету: дети должны были приехать к полудню, и смысла дважды переносить шестьдесят два предмета не было. Но коробки остались пустыми.

К половине одиннадцатого прибыл фургон «Дома Снова». Приёмщик сверил размеры низкого шкафа с заявкой, провёл ладонью по повреждению у задней ножки и поставил подпись в приложении Маркуса. Самир снял полки, завернул их в старое транспортное одеяло и вместе с водителем вынес шкаф в лифт.

Елена стояла в дверях гостиной.

— Осторожнее с углом.

— За угол я отвечаю, — сказал Самир из лифта.

— А за ножку?

— Ножка тоже в моём контракте.

Шкаф уехал первым крупным предметом из квартиры. Следом забрали складные стулья. Маркус закрыл акт передачи, а Вера изменила статус трёх позиций с «ОТДАТЬ — подтверждено» на «ПЕРЕДАНО ОРГАНИЗАЦИИ».

Елена посмотрела на освободившийся участок стены.

— Странно выглядит.

— Потому что шкаф стоял там долго? — спросил Маркус.

— Потому что розетка кривая. Я её пятнадцать лет не видела.

Самир посмотрел на розетку.

— Розетка не кривая. Рамка кривая.

— Теперь мне значительно спокойнее.

К двенадцати пришла Лиза. Она сняла короткое пальто, оставила сумку в прихожей и почти сразу спросила:

— Мам, зачем две коробки?

— Чтобы вы с Мартином не таскали весь сервиз.

Лиза посмотрела на Веру, потом на стол.

— Я вчера вроде сказала, что не хочу сервиз.

— Весь.

— Мам.

— Ты же сама сказала: «обязательно весь?»

— Я спросила, обязательно ли ты хочешь отдать его нам целиком. Это не значит, что мне нужно полсервиза.

Елена выдвинула стул.

— Садись. Сейчас Мартин приедет.

Лиза не села. Она подошла к столу и подняла одну чашку за ручку.

— Я помню их, — сказала она. — Это не проблема.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что у меня есть чашки.

— Эти лучше.

— Возможно.

Лиза поставила чашку точно на блюдце.

Вера не вмешивалась. Пока разговор оставался между владельцем и предполагаемым получателем, у неё не было причины переводить его в рабочий язык.

Мартин приехал через десять минут с мокрыми от мелкого дождя плечами и сразу увидел коробку со своим именем.

— Нет, — сказал он.

— Ты хотя бы посмотри, что там было, — ответила Елена.

— Было?

— Мы вынули обратно, потому что Вера сказала, что сначала нужно ваше согласие.

Мартин посмотрел на Веру.

— Спасибо.

— Это не личная услуга, — сказала она. — Нам нужен подтверждённый получатель.

— Всё равно спасибо.

Он заглянул в пустую коробку со своим именем.

— А как ты собиралась делить одиннадцать больших тарелок?

— Тебе пять, Лизе шесть.

— Почему ей шесть?

— У неё чаще гости.

Лиза подняла брови.

— У меня чаще гости потому, что я пользуюсь своей посудой.

— Ну вот, будет ещё одна.

— Это именно то, чего мне не хватает: параллельной системы тарелок.

Елена не рассмеялась.

— Вы оба говорите так, будто я предлагаю вам старые пластиковые контейнеры без крышек.

— Нет, — сказал Мартин. — Контейнеры я бы взял. Их можно ставить один в другой.

Лиза толкнула его локтем.

— Не помогай.

— Я уже понял.

Елена отодвинула супницу от центра стола.

— Хорошо. Не хотите всё — выбирайте. Тарелки, чашки, блюда. Что-нибудь вы же можете взять.

Лиза села наконец на край стула.

— Зачем?

— Потому что это хороший сервиз.

— Я знаю.

— Потому что семейный.

Мартин снял куртку.

— Мам, я не выбрасываю семейную историю. У меня просто нет желания хранить двенадцать суповых тарелок.

— Одиннадцать, — сказала Елена.

— Тем более комплект уже испорчен.

— Мартин, — предупредила Лиза.

— Что? Я пытаюсь помочь.

— Не надо помогать так быстро.

Он вздохнул и сел напротив сестры.

Елена начала собирать перед Лизой небольшую группу: четыре чашки, четыре блюда, четыре десертные тарелки.

— Вот. Это вообще ничего не занимает.

Лиза посмотрела на стопку.

— И что мне с этим делать?

— Пользоваться.

— У меня посуда на шесть человек, которую я действительно использую каждый день.

— Можно поставить эту для гостей.

— Тогда она будет стоять в шкафу ради двух раз в год.

— И что в этом плохого?

— Ничего. Если я этого хочу.

Фраза прозвучала без злости. Именно поэтому Елена не смогла отмахнуться от неё так же легко, как от разговора про размеры кухни.

Мартин взял овальное блюдо, перевернул, посмотрел клеймо и поставил обратно.

— А если я возьму часть, потом она моя?

Елена нахмурилась.

— В каком смысле?

— В обычном. Если через год я пойму, что не пользуюсь этим, я могу отдать?

— Зачем тебе брать, если ты сразу собираешься отдавать?

— Я пока ничего не собираюсь брать. Я пытаюсь понять правила.

Лиза посмотрела на мать.

— Вот это, кстати, важный вопрос.

— Конечно, ваша, — сказала Елена. — Если я подарила, значит ваша.

— И можно продать? — спросил Мартин.

— Ну зачем вы всё доводите до крайности?

— Потому что через год у меня всё ещё будет та же кладовка и те же лыжи.

— Ты катаешься неделю в году.

— Восемь-девять дней.

— А сервизом мы пользовались на каждый праздник.

— Вы пользовались. У тебя дома.

Он сказал это спокойно. Вера видела подобное много раз: право собственности можно было оформить одной строкой, но предполагаемая обязанность пользоваться вещью вместе с правом иногда переходила без всякого документа.

Она не стала озвучивать эту мысль. Вместо этого спросила:

— Елена, если кто-то из детей возьмёт часть сервиза, для вас важно, чтобы он её хранил?

— Я хочу, чтобы ей пользовались.

— А если не будут?

Елена посмотрела на тарелки.

— Тогда зачем брать?

— Именно это они сейчас и пытаются решить.

Мартин снова взял блюдо.

— Я могу взять одно блюдо, если тебе от этого станет легче.

Елена мгновенно оживилась.

— И тарелки.

— Нет. Я сказал одно блюдо.

— Но к нему нужны тарелки.

— Для блюда не нужны родственные тарелки.

Лиза рассмеялась. Елена тоже почти улыбнулась, но не стала.

Вера увидела момент, когда разговор снова начал превращаться не в выбор Мартина, а в переговоры о минимально допустимом количестве вещей.

— Можно уточнить один практический момент? — спросила она.

Елена кивнула.

— Если Мартин возьмёт блюдо только потому, что ему неудобно отказаться, вы будете считать, что блюдо ему действительно передано? Или что решение просто переместилось из вашей квартиры в его?

— Какая разница, если оно будет у него?

— Для нашего маршрута большая. «Передать» означает, что есть человек, который хочет получить вещь. Если человек не хочет её, но принимает, чтобы вам не было неприятно, коробка уезжает, а решение остаётся. Только уже у него дома.

Мартин положил ладони на стол и ничего не добавил.

Елена посмотрела на детей.

— Я не хочу делать вам неприятно.

— Мы знаем, — сказала Лиза.

— Тогда почему это вообще так выглядит?

Никто не ответил сразу.

Вера тоже. Вопрос был не к ней.

Лиза взяла одну чашку, покрутила её и снова поставила.

— Потому что ты предлагаешь нам вещь, которая для тебя очень важна. А мы отказываемся. Это выглядит хуже, чем есть.

— А как есть?

— Мне не нужен сервиз. Это не значит, что мне не нужны наши воскресенья у тебя.

Мартин кивнул.

— И дни рождения. И папина привычка всегда брать глубокую тарелку для всего подряд.

Елена посмотрела на него.

— Он ел из неё салат.

— Я знаю.

— Это было ужасно.

— Я знаю.

На этот раз она улыбнулась.

Сервиз от этого не стал проще распределить.

Елена ещё раз предложила детям выбрать хотя бы по чашке. Лиза отказалась. Мартин тоже. Не резко и не демонстративно. Они просто не захотели.

— Эми может взять, — сказала Елена после паузы.

Лиза пожала плечами.

— Спроси её. Только именно спроси, мам.

Вера не улыбнулась, хотя реплика была почти дословным изложением рабочего правила.

В итоге Мартин не забрал овальное блюдо. Лиза не забрала чашки. Елена сама попросила вернуть весь сервиз в буфет и оставить серую карточку до понедельника.

Они работали втроем минут десять: Вера передавала тарелки, Лиза ставила их на полку, Елена поправляла расстояние между стопками. Мартин оборачивал супницу бумагой, пока не выяснилось, что её вообще пока не надо упаковывать.

— Я уже начал, — сказал он.

— Разверните, — сказала Елена.

— Мне кажется, это самая большая ответственность, которую на меня сегодня возложили.

— Не преувеличивай.

Он снял бумагу.

Когда буфет снова закрыли, две коробки «ЛИЗА» и «МАРТИН» остались пустыми. Маркус снял с них именные наклейки и сложил коробки в стопку к остальным.

После ухода детей Елена минут пять занималась исключительно кухонными полотенцами. Вера не ускоряла её. Решения о полотенцах были настоящими решениями, даже если появлялись в удобный момент.

Потом дошли до кружек. Их оказалось девятнадцать, не считая чашек сервиза. Елена поставила на стол двенадцать и сказала, что это немного.

Вера показала ей коробку «КУХНЯ-2», уже заполненную тарелками, кастрюлей и двумя стеклянными формами.

— В новой кухне один верхний шкаф под посуду, — напомнила она.

— Я знаю.

— Тогда вопрос тот же: сколько из этих кружек вы хотите видеть там каждый день?

Елена стала убирать их обратно по одной. Кружку с логотипом банка — отдать. Две одинаковые с облупившейся печатью — утилизация, потому что сколы были уже не только на рисунке. Высокую кружку, из которой было неудобно пить, но удобно ставить ложки, — оставить.

— Она у меня для ложек.

— Тогда в новой квартире она тоже будет для ложек?

— Если поместится.

— Это уже честный критерий.

В итоге осталось восемь. Вера обернула ручки бумагой и поставила кружки вертикально, пустоты заполнила смятой бумагой. Елена закрыла коробку сама, провела ладонью по клапанам и попросила написать сверху не просто «КУХНЯ», а «КРУЖКИ / ФОРМЫ», чтобы не искать их в первый вечер.

На фоне сервиза восемь обычных кружек никого не волновали. Зато их судьба была понятна до последней штуки.

— Оставлю шесть полотенец, — сказала Елена, вернувшись к стопке. — Остальные хорошие — отдать.

— Хорошо.

— И не спрашивайте, почему шесть.

— Не собиралась.

— Потому что восемь много, а четыре мало.

— Теперь я знаю.

Елена посмотрела на неё.

— Вы считаете, я пыталась навязать детям сервиз?

Вера закрыла коробку с полотенцами, но не заклеила, пока Елена не проверила количество.

— Я считаю, вы пытались найти ему место.

— Это не ответ.

— Хорошо. Подарок работает, когда его хотят и дать, и получить. Если согласие есть только с одной стороны, нам нельзя оформлять это как передачу.

— Я не про вашу компанию спрашивала.

— А я сейчас могу честно ответить только как человек из вашей компании.

Елена помолчала и кивнула.

Это тоже было границей, и Вера не собиралась делать вид, что имеет профессиональное право объяснять Елене её отношения с детьми.

В три часа Маркус сообщил, что покупателя на торшер к согласованному сроку нет. Был один запрос с предложением триста евро и просьбой включить доставку через весь город. Елена отказалась снижать цену настолько сразу.

— Если повезём на склад, объявление остаётся активным? — спросила она.

— Да. Я только меняю точку выдачи, — ответил Маркус. — Покупатель либо забирает у нас, либо отдельно оплачивает доставку. Комиссия та же, срок хранения по вашему договору — четырнадцать дней. За три дня до конца я напомним, если продажа не состоится.

— И вы не снизите цену сами?

— Нет. Любое снижение только после вашего подтверждения.

Елена кивнула. Финансовые правила снова оказались для неё проще человеческих.

— На склад? — спросила Вера.

— На ваш, — сказала Елена. — На две недели, как в договоре. Потом решим по цене.

Маркус изменил маршрут. Самир снял плафон, завернул его отдельно в пузырчатую плёнку и поставил в подписанную коробку. Основание торшера закрепили ремнями в фургоне. В рабочем файле появилась отметка: «ПРОДАТЬ. Транзитный склад „Второго адреса“. 15.01».

Это была не продажа. Деньги Елена ещё не получила, и вещь всё ещё принадлежала ей. Она просто перестала занимать место у окна.

К четырём часам гостиную пересекали светлые прямоугольники там, где раньше стояли низкий шкаф и торшер. Большой стол и диван оставались. Буфет оставался. Сервиз — тоже.

Елена прошла к окну и оглянулась.

— Забавно. Самое большое сегодня уехало без проблем.

Вера посмотрела на пустое место от шкафа.

— Потому что по нему было принято решение.

Елена перевела взгляд на буфет.

— А самое маленькое занимает две полки.

Вера ничего не ответила.

Самир закрыл последнюю коробку с кухней, провёл маркером по ленте и написал сверху: «НЕ СТАВИТЬ КНИГИ».

Подумал и дорисовал рядом уже вполне узнаваемый бокал.

ГЛАВА 4

19 января

На коробке «КРУЖКИ / ФОРМЫ» Самир в пятницу нарисовал бокал, который по-прежнему был похож на лопату.

Елена сварила кофе в маленькой кастрюле. Кофеварку уже упаковали. Кружку взяла обычную белую — одну из тех, что не ехали с ней и должны были позже уйти в благотворительность. На секунду это показалось нелогичным: зачем пользоваться утром вещью, от которой вечером откажешься? Потом она решила, что именно поэтому и можно.

В восемь пятьдесят раздался звонок.

На этот раз он сработал с первого раза.

— Неужели починился, — сказала Елена, открывая дверь.

Самир поднял сложенную грузовую тележку.

— Это мы на него благотворно влияем.

За ним вошли Вера и Маркус. Дара сегодня не приезжала: оценки были закончены, а новых предметов, требующих её участия, не появилось. Елена почему-то заметила её отсутствие сразу. За четыре рабочих дня команда успела распределиться по квартире почти как предметы: Самир возникал там, где что-то не проходило, Маркус — там, где вещь должна была уйти дальше, Вера — там, где никто ещё не решил куда.

Сегодня у большинства коробок адрес уже был.

— Сначала новая квартира, — сказала Вера. — Один основной рейс. Комод, тумбочка, приставной столик, зеркало, две картины, горшки и все синие коробки. После обеда вернёмся сюда за тем, что должно уйти по другим маршрутам.

— А стол?

— Пока здесь. Объявление активно. За выходные был один запрос, но без предложения.

— Диван?

Маркус покачал головой.

— Два человека сохранили. Один спросил, можно ли доставить бесплатно на шестой этаж без лифта.

— И что вы ответили?

— Что слово «бесплатно» не увеличивает количество грузчиков.

Елена поставила кружку в раковину.

— Завтра у нас ещё один день по договору.

— Да, — сказала Вера. — Сегодня переезд. Завтра финальный вывоз, продажные позиции, уборка и передача квартиры. Если стол не уйдёт напрямую покупателю, решим транзитный склад или другой маршрут. Ничего без вас не меняем.

Это Елена уже знала. За неделю она обнаружила, что в «Втором адресе» неприятно часто спрашивают разрешение именно в тот момент, когда проще было бы, чтобы кто-нибудь решил за неё.

Самир начал с комода. Выдвинул ящики, вынес их отдельно, затем обернул корпус транспортным одеялом и затянул ремнём. Елена стояла в прихожей и смотрела, как мебель, которая всегда казалась тяжёлой и неподвижной, внезапно стала набором задач: снять ящики, защитить углы, повернуть на сорок пять градусов, не задеть дверную коробку.

— Лифт выдержит? — спросила она.

— Комод — да.

— Я не про комод. Я про всё сразу.

— Всё сразу мы туда не поставим. Это лифт, не моральная поддержка.

Маркус засмеялся и подхватил коробку с книгами.

К десяти часам первая партия вещей исчезла из квартиры. Не исчезла вообще — Елена знала адрес каждой коробки, — но пространство от этого не выглядело меньше её собственным.

На двери лифта Самир временно закрепил мягкую защитную панель. Для зеркала он сделал отдельный плоский пакет из картона и одеяла, а на верхнем краю написал маркером «НЕ КЛАСТЬ», хотя, по мнению Елены, форма предмета и без надписи достаточно ясно сообщала эту мысль.

— Вы удивитесь, — сказал Самир.

Он рассказал, как однажды человек положил на зеркало коробку с книгами, потому что «оно же в картоне». Елена спросила, выжило ли зеркало.

— Зеркало — да. Картон — нет.

Комод занял почти половину пола фургона. Ящики Самир закрепил отдельно, коробки поставил по высоте и весу, а три горшка вложил один в другой только после того, как Елена сама проверила, что края не трутся. Оставшиеся пустоты Маркус заполнил сложенными транспортными одеялами. Никакой красивой геометрии в погрузке не было: одна коробка выступала на пять сантиметров, зеркало требовало свободной стены, тумбочка не желала становиться туда, где по расчёту для неё было идеальное место.

— Вот поэтому тридцать кубов на бумаге и тридцать кубов в машине — разные тридцать кубов, — сказал Маркус.

— У вас есть фраза для всего?

— Нет. Только для вещей, которые не помещаются.

Она поехала с Верой в новую квартиру, пока Самир и Маркус закончили погрузку.

Дом сопровождаемого проживания стоял в пятнадцати минутах езды. Елена уже была здесь трижды, но впервые вошла в квартиру с ключом в кармане и пониманием, что назад вечером вернётся только за последними вещами.

Комод действительно встал в прихожей.

До выключателя осталось семь сантиметров.

— Я говорила, что поместится, — сказала Елена.

Вера посмотрела на стену.

— Поместился.

— Вы могли бы добавить «вы были правы».

— Вы были правы насчёт комода.

— Уже лучше.

Тумбочку поставили справа от кровати. Вторую Елена теперь вспоминала почти с раздражением: две одинаковые тумбочки действительно не сделали бы проход шире только потому, что были куплены парой.

Приставной столик встал возле будущего кресла. Место торшера осталось пустым.

Елена заметила это раньше, чем хотела.

— Света здесь достаточно, — сказала она.

Никто не отвечал, потому что никто не спрашивал.

Коробки заносили по одной. Маркус сверял номера, Елена указывала комнаты. «КРУЖКИ / ФОРМЫ» поставили на кухонную столешницу. Книги поставили к стене, где после переезда должен был появиться низкий стеллаж. Елена ещё не выбрала его и впервые за неделю не чувствовала необходимости сделать это немедленно. Спальню не загромождали: коробку с одеждой поставили у шкафа, остальные вещи сразу распределили вдоль стен.

Две картины временно прислонили к стене.

— Не вешаем сегодня, — сказала Елена.

— Мы и не планировали, — ответил Самир.

— Я просто сообщаю.

— Принято.

Три цветочных горшка оказались чуть крупнее, чем Елена помнила. Один встал на подоконник, два — на пол. Елена попросила не ставить их окончательно: сначала хотела понять, где будет кресло и не придётся ли потом снова перетаскивать землю через всю комнату. Самир с готовностью оставил горшки на картонных подкладках.

— Здесь они выглядят огромными.

— Комната меньше, — сказал Самир.

— Спасибо за экспертное заключение.

К полудню основная партия была внутри. Елена открыла коробку с кружками первой, хотя могла бы начать с полотенец или одежды. Достала высокую кружку для ложек, поставила возле мойки и убедилась, что та действительно помещается.

Это почему-то раздражающе хорошо сработало.

Вера оставила ей список того, что ещё находилось в старой квартире. Елена прочитала его дважды.

Большой стол. Диван. Буфет. Сервиз. Одиннадцать книг в «ОТЛОЖИТЬ». Небольшая благотворительная партия. Две повреждённые кружки на утилизацию. Несколько предметов для переработки. Часть хозяйственных мелочей. Предметы продажи, которые ещё не нашли покупателей.

Торшера в списке квартиры уже не было. Он находился на транзитном складе «Второго адреса», и объявление оставалось активным.

— Поедем обратно? — спросила Вера.

— Через десять минут.

Елена прошла в общую комнату. Без дивана и кресел из старого дома здесь пока стояли только приставной столик и два стула, предоставленные управляющей до тех пор, пока она не купит свои. Пространство выглядело не уютно и не пусто. Оно выглядело незаконченным.

Елена именно этого и хотела, когда решила переехать: чтобы не ждать момента, когда большая квартира станет слишком трудной. Хотела меньше уборки, лифт, врача в соседнем корпусе, возможность спуститься в столовую, если не хочется готовить. Всё это по-прежнему казалось правильным.

Правильное решение, как выяснилось, совершенно не обязано было выглядеть приятным каждый час его выполнения.

— Всё, — сказала она. — Едем.

Когда они вернулись, в старой квартире первым делом пришлось разобраться не с сервизом, а с серой корзиной книг. Одиннадцать томов прожили в категории «ОТЛОЖИТЬ» с среды, и Вера поставила корзину на пустой участок пола у стеллажа.

— До конца работы, — напомнила она. — Не обязательно сегодня решить идеально. Но маршрут нужен.

Елена села на стул у большого стола. После новой квартиры старые книги выглядели крупнее. Она брала их по одной. Подаренный Лизой роман, который не перечитывала лет десять, сначала отправился в «ОТДАТЬ», потом вернулся к ней в руки.

— Это считается передумала?

— Считается нормальной работой, — сказала Вера.

— Вы так говорите всем?

— Тем, кто передумал до того, как вещь уехала.

Роман всё-таки остался. Елена не смогла объяснить зачем и не стала. Ещё две книги она положила рядом с ним — старый сборник рассказов и тонкий путеводитель по островам, в который когда-то вклеила билет на паром. Билет ничего не менял, просто оказался там.

Из оставшихся восьми пять ушли в благотворительную коробку. Два устаревших справочника, которые никто не хотел брать даже бесплатно, Маркус отложил к бумажной перера-

ботке после снятия пластиковых обложек. Последнюю книгу Елена листала дольше других и в конце концов тоже отдала.

— Значит, семнадцать едут со мной, — сказала она.

— Семнадцать, — подтвердил Маркус и исправил количество в описи.

— Полка всё равно выдержит?

— Полка — да. Вопрос с полкой был не в весе.

Елена посмотрела на него.

— Я уже начинаю скучать по тем временам, когда вещи просто стояли.

Маркус закрыл серую корзину — впервые за неделю она осталась пустой. Пять книг ушли в зелёную коробку, два справочника — в бумажный маршрут, три добавились к уже упакованным четырнадцати. Ни одно решение не выглядело особенно важным. Елене это понравилось.

К часу приехал водитель «Новой Полки» за подтверждённой партией: третьей картиной, одеждой, полотенцами, одной кружкой с банковским логотипом и другими чистыми бытовыми вещами, отобранными за предыдущие дни. Маркус сверил количество коробок, водитель расписался в приёмке, и партия уехала без обсуждений. Елена успела заметить только, что зелёные наклейки в фургоне выглядели гораздо менее окончательно, чем в её коридоре.

Когда они вернулись в гостиную, Эми уже сидела на подоконнике и переписывалась в телефоне.

— Ты рано, — сказала Елена.

— Мама сказала в час.

— Сейчас двенадцать сорок пять.

— Вот именно.

Эми было двадцать два. Она пришла в короткой куртке, тяжёлых ботинках и с рюкзаком, который Елена не понимала: огромный снаружи, но, по словам внучки, туда никогда ничего не помещалось.

— Мама сказала, ты хочешь что-то спросить про посуду.

Лиза явно выполнила просьбу буквально и не объясняла больше необходимого.

Елена открыла буфет.

Серая карточка всё ещё висела на внутренней стороне дверцы.

— Сервиз, — сказала она. — Твоя мама и дядя не хотят его брать.

— Я знаю.

— Конечно, знаешь.

Эми убрала телефон.

— Ты хочешь, чтобы я его забрала?

Елена уже открыла рот, чтобы ответить «не весь», и услышала собственную интонацию пятничного утра.

Она закрыла рот.

— Нет. Я хочу спросить, хочешь ли ты что-нибудь из него.

Эми подошла ближе.

— Можно посмотреть?

— Для этого я и открыла.

Елена начала доставать чашки. Не все шестьдесят предметов — только чашки с верхней полки. После пересчёта их оставалось одиннадцать, и все выглядели почти одинаково, хотя Елена знала, у какой ручка чуть толще и у какой золотая линия на ободке стёрлась сильнее.

Эми взяла одну.

— Они нормально моются?

— Руками — да.

— А в машине?

— Золотой кант не любит посудомоечную машину.

Эми посмотрела на чашку с меньшим энтузиазмом.

— Понятно.

— Ты не обязана брать.

Эта фраза далась Елене подозрительно трудно, хотя она всего лишь описывала очевидное.

Эми поставила чашку обратно и взяла другую.

— А две можно?

— Две?

— Да.

— Конечно можно. Блюдца тоже возьми.

— Не хочу блюдца.

— Они же комплект.

Эми посмотрела на неё.

Елена вздохнула.

— Хорошо. Без блюдец.

— Я чашки использую. Блюдца у меня будут просто стоять.

— Я поняла.

— Ты сердишься?

— Пока только на устройство современной кухни.

Эми улыбнулась и выбрала две чашки. Не самые целые с точки зрения золотого канта и не те, которые Елена сама выбрала бы для подарка. Одну с мелкими синими цветами, где рисунок был чуть ярче, и вторую, где золото на ручке почти исчезло.

— Почему эти?

— Нравятся.

— Очень содержательный критерий.

— Ты спросила.

Вера находилась в коридоре и сверяла с Маркусом маршрут благотворительных коробок. Она не вошла и не стала подтверждать правильность решения. Елена неожиданно была ей за это благодарна.

— Всё? — спросила Елена.

Эми посмотрела ещё раз.

— Всё.

— Возьми четыре.

Эми подняла брови.

— Две, — сказала Елена сама себе раньше, чем внучка успела ответить. — Хорошо. Две.

Она нашла маленькую коробку. Обернула каждую чашку бумагой, но Эми сказала, что донесёт их в рюкзаке.

— Там они разобьются.

— Не разобьются.

— Ты только что жаловалась, что туда ничего не помещается.

— Я не жаловалась. Это характеристика рюкзака.

Самир из прихожей сказал:

— У нас есть маленькая коробка с ручками.

— Дайте, — сказала Елена.

Эми закатила глаза, но чашки поехали в маленькой коробке с бумажной прокладкой.

На рабочем листе Вера отметила: «ПЕРЕДАТЬ — ЭМИ ВАРО — 2 ЧАШКИ. ПОЛУЧЕНО 18.01».

Эми расписалась пальцем на экране Маркуса.

Елена посмотрела на подпись и впервые увидела сервиз не как один предмет, а как шестьдесят отдельных решений, которые просто много лет хранились вместе.

Она не почувствовала облегчения.

Скорее усталость.

— Остальное продаём? — спросила Вера, когда Эми ушла вместе с коробкой.

Елена посмотрела на открытый буфет.

— Дара говорила, что комплект лучше не дробить.

— Когда он был полнее, — сказал Маркус. — Сейчас можно собрать нормальный набор на восемь персон и выставить одним лотом. Остальные целые предметы отправить в «Новую Полку». Две тарелки со сколами благотворительность не возьмёт.

— Сколько за набор?

— Я уточнил у Дары утром. После двух выбранных чашек и с учётом состояния — старт сто семьдесят. Реалистично рассчитывать на сто двадцать — сто пятьдесят. Если хотите быстрее, можно начать со ста пятидесяти.

Двести пятьдесят, о которых говорили в начале недели, уже выглядели как цена другого сервиза — того, который существовал до того, как его начали делить на людей и маршруты.

— Сто семьдесят, — сказала Елена. — Если через две недели нет — согласуйте снижение.

— До какой суммы?

Она задумалась.

— Сто двадцать без дополнительного звонка. Ниже — спросите.

Маркус записал.

Сервиз вынули в последний раз.

Сначала составили продаваемый лот: восемь больших тарелок, восемь суповых, восемь десертных, восемь чашек, восемь блюдец, одно овальное блюдо, сахарница, молочник и соусник. Маркус фотографировал группы сверху и сбоку, отдельно — клеймо и износ канта.

Оставшиеся целые предметы Елена отправила в «Новую Полку»: лишние тарелки и блюда, второе овальное блюдо и супницу, которую никто никогда не использовал и которая в конце концов оказалась самой простой вещью в комплекте.

Две тарелки со сколами отложили в утилизацию.

— Жалко? — спросил Маркус, держа одну над коробкой.

— Они со сколами.

— Я про решение.

Елена посмотрела на него.

— Если я скажу «да», вы их вернёте?

— Нет. Пока вы сами не скажете вернуть.

— Тогда не возвращайте.

Он положил тарелки в отдельную защищённую тару.

Продаваемую часть сервиза упаковали в две коробки. На них стояла белая маркировка «ПРОДАТЬ», номер позиции и адрес транзитного склада. Благотворительная коробка получила зелёную наклейку. Никаких имён родственников на картоне больше не было.

Когда последняя чашка исчезла со стола в упаковочной бумаге, Елена машинально провела ладонью по столешнице. Под супницей остался светлый круг, который исчез после первого движения влажной салфетки.

— Стол завтра? — спросила она.

— Если покупателя не будет, завтра утром решаем маршрут, — сказала Вера. — До передачи квартиры он должен уйти.

— Я уже согласна на двести пятьдесят.

Маркус поднял взгляд от планшета.

— Могу изменить цену сейчас.

— Меняйте.

— Самовывоз?

— Самовывоз.

Он внёс изменение без обещаний, что это что-нибудь даст.

К четырём часам фургон снова был загружен: две коробки сервиза на продажу, зелёная благотворительная партия, текстиль, переработка и несколько хозяйственных вещей, которые нашли свои категории только сегодня. Буфет оставался в квартире — покупателю жилья он был не нужен, но его судьбу Елена решила ещё утром: «Дом Снова» подтвердил возможность забрать его во вторник вместе с высоким шкафчиком из ванной, если состояние при финальном осмотре останется тем же.

Диван и стол тоже ещё стояли.

Один рабочий день оставался.

Елена надела пальто и прошла по квартире перед выходом. В спальне было пусто, кроме кровати, которую Самир должен был разобрать во вторник перед финальным вывозом. В ванной — стиральная машина и высокий шкафчик, уже помеченный зелёной карточкой. В коридоре коробок почти не осталось.

В гостиной стоял большой стол.

На нём больше ничего не было.

Ни коробок с именами детей. Ни чашек. Ни супницы. Ни серой карточки.

Елена посмотрела на пустую поверхность и подумала, что ожидала от этого вида чего-то большего. Облегчения, наверное. Или хотя бы ясного сожаления.

Вместо этого она заметила царапину возле края.

— Маркус.

Он обернулся от двери.

— На фотографиях стола эту царапину видно?

— Да. Крупным планом тоже есть.

— Хорошо.

Она выключила свет.

КАРТОЧКА ОБЪЕКТА

Объект: частный дом 18

Площадь: 148 м²

Срок: 7 рабочих дней

Основание: продажа недвижимости

Предварительный объём: 46 м³

ЧАСТЬ II. КРЕСЛО

ГЛАВА 5

9 февраля

Дом Аны и Виктора Пелл выглядел так, будто люди в нём ещё жили и одновременно уже старались этого не делать.

В прихожей стояли две пары зимних ботинок, но на стене остался светлый прямоугольник от снятого зеркала. На консоли лежали ключи от дома, рулетка и две пачки цветных наклеек, которые Ана купила сама до приезда «Второго адреса». Синие предназначались ей, жёлтые — Виктору.

Белых не было.

— Для общего я не купила, — сказала Ана. — Мы думали, общего уже почти не осталось. Вера посмотрела через открытую дверь в гостиную.

Там стояли диван, два стеллажа, телевизор, низкий стол, торшер, пара кресел и большой ковёр.

— Понадобятся белые, — сказала она.

Виктор, который держал в руках две кружки с кофе, протянул одну Ане и усмехнулся.

— Я говорил.

— Ты говорил купить зелёные.

— Смысл тот же.

— Нет, зелёные были бы для продажи.

— Тогда я говорил не то.

Они не звучали как люди, которые хотят поссориться. Они звучали как люди, которые слишком долго знали, как именно другой человек формулирует неточную мысль.

Вере это было знакомо по работе. Иногда развод приходил в дом как авария. Здесь он больше напоминал капитальный ремонт, который оба согласовали и оба ненавидели за количество мелких решений.

Дом продавали. Договор с покупателем был подписан, передача назначена на семнадцатое февраля во второй половине дня. «Второму адресу» оставалось семь рабочих дней, если не считать воскресенье. В понедельник, шестнадцатого, помещение должно было быть освоено, чтобы утром семнадцатого клининговая бригада могла пройти весь дом без коробок под ногами.

По документам всё было проще, чем во многих подобных заказах. Ана и Виктор оба являлись владельцами вещей, купленных для дома в браке, и оба подписали договор с компанией. Личные вещи — одежда, рабочие документы, отдельная техника, несколько предметов, которые они заранее признали принадлежащими одному из них, — каждый мог распределять самостоятельно. Для общего имущества они согласовали правило: если решение совпадает, команда его исполняет. Если нет, предмет получает белую карточку «НЕ ТРОГАТЬ» и остаётся на месте до их совместного решения.

Вера настояла на формулировке именно «не трогать», а не «отложить».

Коробка «ОТЛОЖИТЬ» была для человека, который пока не знает собственного ответа. Белая карточка в этом доме означала, что ответов два.

У объекта было ещё одно отличие от большинства переездов: у каждой вещи могло быть сразу три географических маршрута. Ана уже сняла квартиру в Северной Пристани. Виктор — в Клине, ближе к работе. Третий маршрут вёл не к человеку, а на склад «Второго адреса», если предмет собирались продавать и он не должен был оставаться в доме до передачи покупателю.

Поэтому к цветным наклейкам Маркус добавил маленькие печатные адресные полоски. Синий цвет сам по себе ничего не говорил грузчику, если у одного синего предмета был новый адрес, а другой оставался до пятницы.

— Цвет показывает владельца, — объяснил он. — Адрес показывает, куда едет. Категория показывает, что мы с ним делаем. Если на коробке только цвет, коробка недостаточно подписана.

Виктор посмотрел на стопку этикеток.

— А можно было просто не разводиться.

— Это не входит в перечень услуг, — сказала Вера.

Смету они согласовали ещё на прошлой неделе: ориентировочно шесть тысяч девятьсот евро за сортировку, координацию, физическую работу и фургон, плюс фактическая утилизация и упаковочные материалы. Продажи шли отдельно с комиссией двадцать пять процентов от чистой цены. Ана и Виктор делили счёт пополам и заранее попросили не превращать каждую мелкую продажу в отдельное согласование. Всё дешевле пятидесяти евро компания не выстав-ляла поштучно без отдельной причины: рабочее время быстро становилось дороже вещи.

Это правило они приняли без споров. Гораздо сложнее было решить, кому достанется кофемолка.

— Сначала короткий обход, — сказала Вера. — Сегодня нам нужно подтвердить объём, доступ и понять, где можно сразу начать без споров. Ничего спорного не продаём, не вывозим и даже не переносим в гараж.

— Даже если оно мешает? — спросил Виктор.

— Особенно если мешает. Иначе через три дня никто не вспомнит, где оно стояло и кто что имел в виду.

Ана поставила кружку на консоль.

— Банковский счёт мы разделили за сорок минут.

— Потому что у банковского счёта нет спинки и подлокотников, — сказал Самир.

Он стоял у двери в гостиную с рулеткой и уже смотрел на лестничный поворот.

— И он не весит восемьдесят килограммов, — добавил Маркус, занося номер объекта в приложение.

— Всё прекраснее и прекраснее, — сказала Ана.

Дара сегодня не приехала. В первый день ей не было смысла стоять рядом с четырьмя людьми, пока они решают, что вообще собираются продавать. Вера отправит ей фотографии только тех предметов, которые действительно попадут в эту категорию и будут стоить времени оценки.

Они начали с гостиной.

Виктор снял с подлокотника дивана сложенный плед и сразу приклеил на спинку жёлтый кружок.

Ана посмотрела на него.

— Ты берёшь диван?

Виктор посмотрел на собственную наклейку так, будто увидел её впервые.

— Нет. Плед.

— Ты наклеил на диван.

— Потому что плед был на диване.

Самир молча снял жёлтый кружок и протянул Виктору.

— Предмет лучше маркировать на предмете.

Виктор приклеил наклейку на плед.

— Уже чувствую профессиональную поддержку.

Диван был тёмно-серым, длиной почти два с половиной метра, с глубокими сиденьями и механизмом, который когда-то превращал одну секцию в шезлонг. Судя по информации в анкете, восемь лет назад он стоил около трёх тысяч двухсот евро.

— Его продаём, — сказала Ана.

— Да, — сказал Виктор.

Вера внесла позицию.

— Ожидания по цене?

Ана посмотрела на Виктора.

— Ты занимался мебелью.

— Я покупал мебель. Это другое.

— Ты три недели выбирал этот диван.

— Именно поэтому я не хочу снова заниматься им три недели.

— Тысяча? — предположила Ана.

Вера провела ладонью по правому подлокотнику. Ткань была чистая, но ворс на внешнем ребре заметно вытерся. На одной подушке осталась светлая полоска, вероятно от солнца.

— Дара посмотрит модель, а Маркус — похожие объявления. Но тысячу я бы в расчёты не ставила.

— Он стоил больше трёх, — сказала Ана без возмущения, скорее проверяя, не забыла ли Вера эту часть арифметики.

— Я верю. Покупатель на вторичном рынке всё равно покупает восьмилетний диван, который нужно самому вывезти из чужого дома.

Самир измерил высоту спинки.

— И вынести через дверь восемьдесят два сантиметра.

— Он сюда прошёл, — сказал Виктор.

Самир посмотрел на него.

— Хорошо, что вы сказали это сейчас. Обычно эту фразу берегут до последнего дня.

Виктор рассмеялся.

— Разбирается секциями.

— Тогда у нас есть шанс сохранить дружбу.

Диван получил зелёную карточку «ПРОДАТЬ» и номер позиции. Пока только карточку. Никаких обещаний о покупателе.

Два одинаковых стеллажа Ана забирала в новую квартиру. Виктор не возражал. Телевизор — Виктору. Низкий столик — продажа. Торшер — Ана. Ковёр не хотел никто.

— Отдать? — спросил Маркус.

— Он хороший, — сказала Ана.

— Я не спорю.

— Шерсть.

Маркус присел и поднял угол.

— Бирки нет. Пятно есть.

На светлой кромке действительно было небольшое бурое пятно.

— Его можно почистить, — сказал Виктор.

— Можно. Вопрос, кто оплачивает чистку и есть ли после этого человек, которому нужен ковёр два сорок на три сорок.

Ана посмотрела на ковёр.

— Давайте пока белую.

— Вы спорите? — уточнила Вера.

— Нет. Я просто не знаю.

— Тогда это не белая.

Маркус достал серую карточку «ОТЛОЖИТЬ».

— До какого срока? — спросил Виктор.

— До пятницы, — сказала Вера. — В субботу у нас основной вывоз. Если к пятнице решения нет, ковёр всё равно остаётся вашим, но нам потребуется новый маршрут и, возможно, дополнительный рейс. Лучше решить до этого.

Ана кивнула.

Первый серый предмет появился через двадцать три минуты после начала работы.

Белого всё ещё не было.

В столовой ситуация оказалась почти комически простой. Большой стол никто не хотел. Шесть стульев — тоже. Два из них немного шатались. Сервант достался Ане ещё по списку, который они составили до обращения в компанию: он принадлежал её бабушке и переехал в дом вместе с ней.

— Его не оцениваем, — сказала Ана.

— Хорошо, — ответила Вера.

— Он, наверное, всё равно ничего не стоит.

— Может стоять. Но если вы его не продаёте, сегодня это не имеет значения.

Виктор открыл нижнюю дверцу серванта.

— Там твои салфетки.

— Наши салфетки.

— Я не собираюсь претендовать на салфетки.

— Тогда мои.

— Видите, — сказал Виктор Вере. — Мы умеем быстро.

В шкафу лежали восемнадцать тканевых салфеток, три дорожки на стол и коробка свечей. Никакого скрытого содержимого. Ана выбрала двенадцать салфеток и одну дорожку. Остальное определила в благотворительность.

Вера дала Маркусу зелёную наклейку для коробки.

— Свечи тоже?

Ана посмотрела на них.

— Нет. Свечи Виктору.

— Почему мне?

— Ты их покупал.

— Для ужинов здесь.

— И?

— Я не устраиваю ужины со свечами.

— Ты купил сорок свечей.

— Они были со скидкой.

Самир, измерявший стол, не поднимая головы сказал:

— Я бы записал это как отдельную категорию: «финансовое решение, которое пережило обстоятельства покупки».

Вера усмехнулась.

— Такой наклейки у нас нет.

Свечи в итоге тоже ушли в благотворительную коробку. Оба согласились настолько быстро, что Вера даже не успела открыть карточку позиции.

На кухне они задержались только для определения границ работы. Вера не собиралась сегодня разбирать двадцать шкафов, если клиенты ещё не устали даже от мебели.

На столешнице стояла кофемолка, тяжёлая металлическая, с небольшими царапинами на корпусе.

— Моя, — одновременно сказали Ана и Виктор.

Потом оба замолчали.

Вера посмотрела на кофемолку.

- Совместная покупка?
- Я выбирал модель, — сказал Виктор.
- Я платила, — сказала Ана.
- Потому что у тебя была карта с бонусами.
- Я ей пользуюсь каждое утро.
- И я.

Вера взяла белую карточку и положила рядом с прибором, не приклеивая её к металлу.

- Не трогаем.
- Это всего лишь кофемолка, — сказал Виктор.
- Отлично. Значит, решение будет лёгким, когда вы его примете.

Он посмотрел на неё, понял, что спорить с этой формулировкой бессмысленно, и отступил от столешницы.

Вера записала: «Кухня — не начата. Кофемолка — совместное решение, не трогать».

Ей нравилось фиксировать такие вещи в тот момент, когда они были очевидны. К четвергу люди могли искренне помнить, что совершенно точно уступили кофемолку ещё в понедельник.

На втором этаже находились две спальни, кабинет и небольшая комната, которую раньше использовали как гостевую, а последние годы — как место для сушки белья, коробок и вещей, которые не нашли другого места.

- Вот это моё, — сказала Ана у двери своей будущей партии коробок.
 - А вот это моё, — сказал Виктор с другой стороны комнаты.
- Между двумя штабелями стоял старый напольный вентилятор.
- Общий? — спросил Маркус.
- Они посмотрели на него.
- Утилизировать, — сказали оба.
 - Прекрасно, — сказал Маркус. — Иногда демократия работает.
- Самир проверил кабель.
- Сначала электроника. Не в общий контейнер.

Вентилятор получил красную маркировку электронных отходов и остался у стены до соответствующего рейса.

К полудню Вера уже понимала главную особенность объекта. Ана и Виктор не пытались сделать друг другу хуже. Наоборот, оба старались быть разумными. Именно поэтому каждый маленький предмет, на котором разумность не срабатывала мгновенно, раздражал их сильнее, чем открытая ссора раздражала бы другую пару.

Они заранее договорились о картинах. О технике. О посуде для новой квартиры Виктора и кухонных приборах Аны. У каждого уже был отдельный адрес, куда должна была приехать его часть. Банковские счета закрыты. Машины переоформлены. Дом продан.

А потом Вера попросила решить судьбу трёх старых пледов, и они семь минут выясняли, чей именно плед всегда лежал на веранде.

К двум часам команда вернулась в гостиную, чтобы закончить крупную мебель и подготовить фотографии для Дары и Маркуса.

- Вера стояла возле окна и сверяла позиции, когда Виктор спросил:
- А кресла мы не записали.

Она подняла голову.

Их было два, но одинаковыми они не были.

Одно — современное, светло-серое, с высокой спинкой. На нём уже появилась синяя наклейка Аны.

Второе стояло ближе к книжному стеллажу. Рыжевато-коричневая ткань, округлые деревянные подлокотники, чуть продавленное сиденье. Оно выглядело старше остальной мебели и дешевле почти всего в комнате.

На его спинке не было наклеек.

— Это я беру, — сказал Виктор.

Ана, которая складывала книги в синюю коробку, выпрямилась.

— Нет.

Сказала она это спокойно.

Виктор тоже не повысил голос.

— Мы это обсуждали.

— Мы обсуждали кресла. Я сказала, что беру серое. Я не сказала, что отдаю это.

— Но ты берёшь серое.

— Да.

— Зачем тебе два?

Ана положила книгу в коробку.

— Это уже другой вопрос.

Вера подошла к креслу. Не для того, чтобы вмешаться, а чтобы проверить, не было ли оно заранее внесено в их подписанный список.

Не было.

— Покупали вместе? — спросила она.

— Оно было здесь до нас, — сказал Виктор.

— Нет, — сказала Ана. — Мы купили его через год после переезда.

— Правда?

— На ярмарке в Вельде.

Виктор нахмурился, посмотрел на кресло и кивнул.

— Точно. За сорок евро.

— За шестьдесят.

— За пятьдесят.

— Это важно? — спросила Ана.

— Нет.

Вера открыла карточку позиции.

— Тогда сейчас важно только то, что оба хотите его забрать.

— Я на нём каждый вечер сидел, — сказал Виктор.

Ана посмотрела на него.

— Последние три года. До этого я сидела.

— У тебя серое кресло.

— Серое я купила четыре года назад.

— Вот именно.

— Что именно?

Вера достала белую карточку.

— Вот именно это мы сегодня не решаем.

Они оба посмотрели на неё.

— Можно хотя бы оценить? — спросила Ана.

— Конечно. Это не обязывает продавать.

Вера сфотографировала кресло с четырёх сторон, отдельно ткань на сиденье и нижнюю часть рамы. Никакой маркировки производителя она не увидела. Дерево было поцарапано у правого подлокотника. Ткань на переднем крае выцвела.

— По виду это не предмет, из-за которого стоит спорить о рыночной цене, — сказала она. — Но Дара посмотрит фотографию. Если понадобится очный осмотр, скажет.

— Я не из-за цены, — сказал Виктор.

— Я тоже, — сказала Ана.

Вера ничего не ответила.

Белая карточка легла на сиденье.

НЕ ТРОГАТЬ

Самир, который собирался измерить кресло для перевозки, убрал рулетку обратно в карман.

— Значит, пока оно точно проходит во все двери, — сказал он.

Виктор хмыкнул.

Ана снова села на корточки возле коробки с книгами.

Работа продолжилась.

К четырём часам в столовой стояли четыре закрытые коробки Аны, три Виктора, две зелёные коробки благотворительности и один пустой пластиковый контейнер для следующего дня. Диван и низкий стол получили номера для продажи. Старый вентилятор ждал электронного маршрута. Ковёр оставался серым. Кухня — почти нетронутой. Второй этаж был только размечен по зонам.

Перед уходом Вера прошла по дому с планшетом.

У входа она проверила ключи и дату основного вывоза.

В столовой — количество коробок.

В гостиной — карточки на мебели.

На старом кресле белая карточка всё ещё лежала ровно посередине сиденья.

Виктор проходил мимо и машинально переложил её на подлокотник, чтобы не сесть сверху.

Через минуту Ана вернулась за телефоном, увидела карточку и положила её обратно на сиденье.

Ни один из них не снял её.

Для первого дня этого было достаточно.

ГЛАВА 6

10 февраля

Самир приехал к Пеллам на восемь минут раньше и успел понять, что снег за ночь сделал ровно то, чего он не любил перед мебельным днём: превратил три ступени у крыльца в аккуратную наклонную поверхность.

Он поставил сумку с инструментом под навесом, достал из фургона складную лопату и расчистил полосу от двери до дорожки.

Виктор открыл дверь, когда Самир дошёл до последней ступени.

— Я собирался это сделать.

— Отлично. Верхнюю половину лестницы оставил вам.

— Я имел в виду снег.

— Я тоже.

В доме уже работало отопление, но гостиная выглядела холоднее, чем вчера. На диване не было пледа, у двух стеллажей стояли закрытые коробки, а низкий столик сдвинули к стене для фотографий. Белая карточка на старом рыжем кресле лежала там же, где Самир видел её вечером.

Перед тем как заносить инструмент, Самир развернул в прихожей защитную дорожку и закрепил её малярной лентой. В день сортировки можно было обходить мокрые следы тряпкой. В день разборки мебели это переставало работать: человек с боковиной шкафа в руках не должен был одновременно думать, куда поставить ботинок. На наружный угол у лестницы он надел мягкую защиту — именно такие углы люди обычно замечали после того, как мебель уже оставила на них белую полосу.

Маркус, увидев подготовленный проход, поставил коробки не у двери, а в столовой.

— Я учусь.

— Вчера ты оставил рулон плёнки в повороте лестницы.

— Я учусь медленно.

НЕ ТРОГАТЬ

Он обошёл кресло стороной.

Вера появилась из кухни с планшетом.

— Сегодня мебель второго этажа, кабинет и всё, что можно подготовить к субботнему вывозу. Кухню Ана и Виктор разбирают со мной и Маркусом после обеда. Спорное не двигаем.

— Кресло понял.

— Кофемолка тоже.

— Она мне физически не мешает.

— Повезло кофемолке.

Маркус занёс рулон пузырчатой плёнки и пачку плоских коробок. За ним вошла Ана с бумажным пакетом выпечки.

— Я купила завтрак, — сказала она. — Считаю это вкладом в сохранность мебели.

— Для сохранности мебели мне больше поможет информация, — сказал Самир. — Какой шкаф едет и куда?

Ана показала вверх.

— Большой в спальне. Ко мне.

— Размеры нового подъезда есть?

— Вчера отправила Вере.

— Лифт?

— Есть.

— Дверь квартиры?

— Восемьдесят девять.

— Хорошо.

Виктор взял из пакета булочку.

— Шкаф точно пройдёт.

Самир посмотрел на него.

— Я ещё его не видел.

— Он сюда прошёл.

— Вот теперь рабочий день официально начался.

Вера, не отрываясь от планшета, сказала:

— Вчера ты жаловался, что эту фразу произнесли слишком рано про диван.

— Про диван сказали в гостиной. Там хотя бы дверь рядом.

Они поднялись на второй этаж.

Большая спальня уже была почти лишена мелких вещей. На кровати лежали две стопки одежды в чехлах: синяя для Аны, жёлтая для Виктора. На полу стояли подписанные коробки. Самир вчера сюда заходил только для первого замера, не трогая мебель.

Шкаф занимал почти всю стену справа от двери.

Высота — чуть больше двух метров, ширина около ста двадцати, глубина шестьдесят. Светлый шпон, две тяжёлые распашные двери, внутри полки и штанга. Не антиквариат, не предмет, который кто-то захотел бы продавать за большие деньги. Просто нормальный шкаф, хорошо переживший пятнадцать лет и теперь собиравшийся пережить второй переезд.

Самир поставил дальномер к боковине.

— Два ноль семь. Сто двадцать один. Глубина пятьдесят девять.

— Я же говорю, проходит, — сказал Виктор.

— Через дверь комнаты — возможно.

Дверной проём был семьдесят восемь сантиметров. Сам шкаф в глубину проходил, если снять двери. Проблема начиналась дальше: короткий коридор поворачивал к лестнице почти под прямым углом. На повороте висел радиатор, а перила съедали ещё девять сантиметров полезного пространства.

Самир измерил диагональ.

Потом ещё раз.

— Целиком не пойдёт.

— Пойдёт, — сказала Ана. — Его же сюда занесли.

Самир выпрямился.

— Вы оба это помните?

Ана посмотрела на Виктора.

— Я помню шкаф здесь.

— Я тоже.

— Это не то же самое, что помнить, как его заносили, — сказал Самир.

Виктор пожевал булочку и нахмурился.

— Может, двери снимали.

Самир открыл одну створку. Петли были обычные, съёмные.

— Двери снимем в любом случае. Но этого мало.

Он провёл ладонью по внутреннему углу корпуса и заметил знакомые круглые заглушки над мебельными стяжками.

— Его собирали в комнате.

— Нет, — сказала Ана автоматически, а потом сама заглянула внутрь. — Наверное.

— Пятнадцать лет назад мы много чего делали сами, — сказал Виктор. — Это было до того, как мы начали ценить выходные.

Самир снял одну заглушку ногтем.

— Хорошая новость: шкаф разборный. Плохая: если хотите, чтобы он нормально собрался ещё раз, разбирать будем не методом «наклонить сильнее».

— Я никуда не тороплюсь, — сказала Ана.

— Я тороплюсь, — сказал Виктор. — Но шкаф не мой, поэтому тоже не тороплюсь.

Самир попросил их сначала подтвердить категорию. Вера подошла с планшетом, Ана ещё раз сказала, что шкаф забирает она, Виктор подтвердил, что не претендует. В системе появилось: ОСТАВИТЬ — Ана, адрес Северная Пристань.

Только после этого Самир начал разборку.

Он снял двери и поставил их на войлочные прокладки у стены. Маркус принёс из фургона два мебельных одеяла. Полки вышли легко. Со штангой пришлось повозиться: один винт за годы прикипел настолько, что обычная отвёртка только слизала бы шлиц.

— Вот поэтому у тебя сумка весит как небольшой человек? — спросил Маркус.

— Потому что небольшие люди редко умеют выкручивать повреждённые винты.

Он достал экстрактор, сорвал винт и положил крепёж в пластиковый пакет.

Ана стояла в дверях.

— Вы каждый винт сохраняете?

— Если хотите снова получить шкаф — желательно.

— Я думала, у вас есть запасные.

— Есть. Но если можно использовать родные, я не вижу причин превращать хороший винт в отходы.

Она кивнула и ушла вниз.

Когда корпус освободили изнутри, Самир попробовал слегка подать боковину. Шкаф не сдвинулся.

Он заглянул за него.

Тонкая задняя стенка из древесноволокнистой плиты была не только прибита мелкими гвоздями, но ещё и местами прикручена после какого-то старого ремонта. Пока она оставалась на месте, корпус держал геометрию слишком жёстко, чтобы безопасно разойтись по стяжкам.

— Задник снимать, — сказал он.

Виктор появился на площадке как раз вовремя, чтобы услышать.

— Зачем? Он же сзади.

Самир посмотрел на него.

— Именно там он особенно мешает разобрать шкаф.

— Я думал, вы только двери снимете.

— Я тоже иногда думаю оптимистично.

Он отодвинул корпус от стены на десять сантиметров, насколько позволяли ножки, подложил защитные пластины под край и вместе с Маркусом развернул шкаф ровно настолько, чтобы добраться до крепежа.

За шкафом открылась полоска стены другого оттенка. На плинтусе лежали две монеты, сухая резинка для волос и пластиковая крышечка неизвестно от чего.

Маркус присел.

— Сокровище.

— Не начинай, — сказал Самир.

Он протянул находки Вере, когда та поднялась проверить ход работы.

— Два евро сорок, резинка и крышка.

Вера положила монеты на комод.

— Владелец.

— Крышку тоже?

— Пока не выяснено, чья она.

— Белую карточку? — спросил Маркус.

Вера посмотрела на него.

— Утилизировать пластик можно после согласия обоих. Не усложняй мне жизнь.

Виктор взял крышку, повертел и выбросил в стоявший рядом пакет смешанного мусора.

— Моя. Разрешаю.

— Идеально, — сказала Вера.

Самир снял заднюю панель. Гвозди складывал отдельно, повреждённые не сохранял. После этого корпус поддался без борьбы: верхняя планка, две боковины, основание. Каждый элемент получил небольшую синюю адресную наклейку, а пакет с крепежом Самир приклеил малярной лентой к внутренней стороне одной боковины.

— Теперь он точно проходит, — сказал Виктор.

— Теперь это шесть деталей. Они проходят почти везде.

К одиннадцати шкаф превратился в аккуратную стопку панелей у стены. На месте, где он стоял, остался светлый прямоугольник обоев и четыре маленькие вмятины на ковровом покрытии.

Самир не любил выражение «освободить комнату», когда в ней ещё оставались кровать, две тумбы и двадцать коробок, но впервые второй этаж начал выглядеть так, будто мебель действительно может отсюда уехать.

В кабинете физическая часть оказалась проще.

Стол забирал Виктор. Узкую тумбу — тоже. Два металлических стеллажа никому не были нужны; Маркус после фотографий определил, что поштучная продажа не стоит времени, и оба владельца согласовали их для «Дома Снова», если организация подтвердит приём. Старое офисное кресло с треснувшим подлокотником не приняли бы: оно получило маршрут на разбор материалов и утилизацию перерабатываемой части.

— Оно ещё рабочее, — сказал Виктор, проверяя газлифт.

Кресло опустилось под ним примерно на пять сантиметров.

— Было, — сказал Самир.

— Оно просто давно не использовалось.

— Газлифт тоже давно не использовался и решил выйти из разговора.

Виктор поднялся.

— Убедительно.

Пока Вера и Ана подписывали коробки с документами, Самир разобрал письменный стол: снял столешницу, отсоединил две опоры и сложил крепёж в отдельный пакет. На каждой детали появилась жёлтая адресная полоса Виктора.

Маркус проверил маршрут:

— В Клине лифт маленький, но столешница проходит по диагонали. Я вчера получил размеры.

— Хорошо.

— Видишь? Иногда люди измеряют заранее.

— Не порть статистику.

До обеда они подготовили почти всю крупную мебель второго этажа, которую уже разделили владельцы. Ничего пока не уезжало: основной рейс был в субботу, а переносить разобранные панели вниз заранее означало забить прихожую и гостиную. Вместо этого Самир обозначал на полу малярной лентой компактные зоны по маршрутам. Синие панели оставались в спальне у наружной стены. Жёлтые — в кабинете. Благотворительность собирали в гостевой комнате ближе к лестнице, но так, чтобы не перекрывать проход.

Потом он вернулся к гостиной ради двух стеллажей Аны. Они были одинаковыми только издали. У одного задняя стенка держалась на заводских скобах, у второго нижнюю полку когда-то усилили двумя металлическими уголками. Самир вынул книги, которые ещё остава-

лись на нижнем ряду, и передал их Маркусу, чтобы тот не перепутал их с уже подписанными коробками.

— Эти целиком поедут? — спросила Ана.

— Если хотите сохранить время на сборке — да. Но тогда снимаем полки и фиксируем корпус.

— Они не развалятся?

— Если не использовать их как санки на лестнице — нет.

Виктор прошёл мимо.

— Ты слышала. Главное — не использовать как санки.

— Я запишу в инструкции к новой квартире.

Самир снял съёмные полки, связал их по четыре мягким ремнём и наклеил на обе связки тот же синий адрес. Корпуса оставил собранными. Ширина лестницы позволяла вынести их вертикально с поворотом на площадке, а в лифт Северной Пристаней, судя по присланным размерам, они входили без разборки.

Серое кресло Аны оказалось ещё проще. С него сняли только деревянные ножки — не из-за дверей дома, а чтобы не рисковать ими в фургоне. Самир сложил четыре ножки и крепёж в прозрачный пакет и прикрепил к нижней раме. На кресло надели защитный чехол, но не затянули упаковочную плёнку вокруг ткани: до субботы она должна была стоять возле батареи не в полиэтиленовом коконе.

— А это кресло вы измеряете, — заметил Виктор.

— У него есть адрес.

Он посмотрел на старое рыжее кресло.

— У того тоже будет.

— Когда вы оба подпишетесь под одним адресом, я его измерю.

Самир и так примерно видел его габариты. Но знать, сможет ли вещь пройти в дверь, и иметь разрешение готовить её к вывозу были разными вопросами.

Спорное не перемещали даже ради удобства.

На кухне кофемолка всё ещё стояла на том же месте с белой карточкой рядом.

После обеда Вера открыла нижние шкафы кухни, и дом на час заполнился совершенно другой работой: тарелки заворачивали в бумагу, пластиковые контейнеры пытались найти собственные крышки, две одинаковые формы для запекания неожиданно оказались нужны обоим, а четыре кастрюли не нужны никому. Формы Ана и Виктор без спора разделили по одной. Кастрюли после проверки состояния определили в благотворительность, если организация подтвердит приём.

Крышки оказались отдельной разновидностью сопротивления. Маркус выстроил на столе девять контейнеров и одиннадцать крышек. У шести пары нашлись сразу. Две крышки подходили к одному и тому же контейнеру одинаково плохо, одна не подходила ни к чему, а ещё две, по словам Аны, «точно были от этих».

— Геометрия возражает, — сказал Маркус, пытаясь защёлкнуть прямоугольную крышку на чуть более широком прямоугольном контейнере.

— Она всегда защёлкивалась, — сказала Ана.

Виктор взял крышку, повернул на сто восемьдесят градусов и попробовал снова.

— Нет. Это от того набора, который мы выбросили после того, как один контейнер расплавился.

— Почему тогда крышка осталась?

— Потому что крышка не расплавилась.

— Прекрасная система.

Вера не стала выяснять, кто когда сохранял пластик. Она положила две бесхозные крышки рядом с контейнерами и спросила, нужен ли кому-нибудь комплект без точной пары.

Никому не был нужен. Пригодные контейнеры разделили между новыми адресами, лишние целые отложили в благотворительную коробку после проверки правил приёма, а треснувшие ушли в соответствующий поток отходов.

Самир подключился только когда требовалось снять настенную полку и проверить, можно ли отсоединить маленький кухонный остров от пола.

Остров оказался прикручен.

— Я его не беру, — сказала Ана.

— Я тоже, — сказал Виктор.

— Покупателю дома он остаётся? — спросила Вера.

Они переглянулись.

— В договоре кухня остаётся, — сказал Виктор. — Значит, остров тоже.

Самир убрал инструмент.

— Лучший демонтаж — согласованный недемонтаж.

К четырём часам количество коробок выросло почти вдвое. Маркус уносил закрытые коробки не в фургон, а в закреплённые зоны первого этажа: к субботе они должны были стоять так, чтобы грузчики не решали маршрут каждой коробки у двери.

Ана закрыла коробку с синей лентой и спросила:

— А кресло сегодня надо измерить?

Самир посмотрел в гостиную.

Старое рыжее кресло стояло возле книжного стеллажа. Белая карточка теперь лежала на подлокотнике. Видимо, кто-то снова собирался сесть и снова её переложил.

— Если вы решили, кому оно едет.

— Пока нет.

— Тогда не надо.

Виктор вышел из кухни с двумя кружками.

— Дара что сказала по цене?

Вера открыла сообщение на планшете.

— По фотографиям она не видит производителя, за которым есть отдельный спрос. Состояние среднее. Если бы вы продавали, ориентир был бы примерно пятьдесят-восемьдесят евро, возможно меньше при быстром самовывозе.

— То есть шестьдесят, — сказал Виктор.

— Примерно, — ответила Вера.

Ана посмотрела на кресло.

— Хорошо.

Но её голос не звучал так, будто цена что-то решила.

Виктор поставил кружку на подоконник.

— Я всё равно его беру.

— Нет, — сказала Ана.

Самир опустил взгляд на рулетку в своей руке и не стал доставать её.

Рыночная стоимость была полезной информацией. Размеры тоже были полезной информацией. Ни то ни другое не давало ему полномочий выбирать владельца.

— Значит, оно продолжает идеально проходить во все двери, — сказал он.

Виктор засмеялся первым. Через секунду Ана тоже.

Белая карточка осталась на кресле.

В конце дня Самир снова поднялся наверх.

Он проверил, что панели шкафа не могут соскользнуть, подтянул ремень вокруг стопки и ещё раз приклеил пакет с крепежом. На синей адресной полосе было напечатано: «Ана Пелл — Северная Пристань».

Вчера здесь стоял шкаф, о котором оба были уверены, что он точно пройдёт целиком.

Сегодня он лежал у стены шестью плоскими деталями, и это было не поражение шкафа и не маленькая победа Самира. Это был просто способ доставить его по нужному адресу без повреждений.

Самир поднял с пола последнюю пластиковую заглушку, положил её в пакет с крепежом и заклеил край ленты.

Теперь шкаф был готов к переезду.

Кресло — нет.

ГЛАВА 7

12 февраля

К четвергу кухня Пеллов выглядела так, будто кто-то открыл небольшой магазин посуды и сразу передумал.

На столе стояли три открытые коробки: синяя для Аны, жёлтая для Виктора и зелёная для благотворительности. Рядом лежала серая карточка «ОТЛОЖИТЬ», пока пустая. На подоконнике сохли две вымытые стеклянные банки, которые оба сначала хотели оставить, а потом одновременно решили, что не хотят. У стены ждала коробка с пригодными контейнерами. Треснувшие уже были отделены в соответствующий поток отходов, но пока оставались в доме: Маркус не любил смешивать маршруты только потому, что пакет можно было вынести сегодня.

Вчера команда прошла ванную, бельевой шкаф, часть кладовой и верхние кухонные шкафы. Это был тот вид рабочего дня, после которого в отчёте появлялось много строк, а в памяти почти ничего: полотенца, запасные лампочки, три открытых упаковки губок, аптечка без лекарств, две гладильные доски, одну из которых никто не помнил покупавшим. Ни одна большая вещь не уехала. Основной вывоз оставался назначен на субботу.

Обе гладильные доски в итоге получили разные маршруты: исправную Ана забирала, вторую, с погнутой ножкой и прожжённым чехлом, владельцы согласовали на металл и смешанные отходы после разборки. Половина запасного постельного белья ушла в зелёные коробки, но всё ещё стояла в гостевой комнате. «Дом Снова» подтвердил два металлических стеллажа из кабинета, а «Новая Полка» — четыре кастрюли и часть кухонного текстиля. Физически всё это оставалось в доме до общего субботнего маршрута: компания не гоняла фургон через город ради нескольких коробок только для того, чтобы объект раньше выглядел пустее.

Сегодня Вера хотела закончить кухню и дойти до тех предметов в гостиной, которые всё ещё не имели маршрута.

Кофемолка по-прежнему стояла на столешнице.

Белая карточка рядом с ней уже слегка загнулась от пара чайника.

— Я предлагаю начать не с неё, — сказала Вера.

— Поддерживаю, — ответил Виктор.

— Я тоже, — сказала Ана.

Никто не убрал карточку.

Маркус открыл высокий шкаф возле холодильника.

— Хорошо. Тогда сегодня мы выясним, зачем двум людям девять разделочных досок.

— Их не девять, — сказала Ана.

Он вынул первую.

Потом вторую.

На шестой Виктор перестал улыбаться.

Девятая оказалась тонкой пластиковой доской, задвинутой за противень.

— Это не доска, — сказал он.

— А что?

— Подложка.

— Подо что?

Виктор взял её, посмотрел с обеих сторон и вернул Маркусу.

— Теперь уже не уверен.

Вера записала восемь досок и одну вещь, которую владельцы согласовали на утилизацию без дальнейшего установления биографии. Из восьми четыре были заметно изрезаны. Две хорошие деревянные забрала Ана, одну пластиковую — Виктор, ещё одну почти новую

бамбуковую положили в благотворительность. Остальные после согласия обоих отправились в отходы по материалу.

Работа двигалась именно так: не символами, а объёмом.

В нижнем шкафу обнаружился тяжёлый кухонный комбайн с чашей, двумя дисками и коробкой насадок.

— Твой, — сказал Виктор.

— Почему мой?

— Ты его хотела.

— Я хотела его десять лет назад.

— Мы купили самый дорогой из трёх.

— Потому что ты прочитал сорок сравнений и сказал, что дешёвый мотор сгорит.

Виктор повернулся к Вере.

— Мотор не сгорел.

— Поздравляю, — сказала она. — Кто им пользуется сейчас?

Они оба посмотрели на комбайн.

Ана сказала:

— Я — раза два в год.

— Я делал на нём хумус, — сказал Виктор.

— Когда?

— Осенью.

— Один раз.

— Но делал.

Маркус нашёл модель по шильдику и быстро проверил рынок.

— Новый сейчас около шестисот двадцати. Вашему девять лет. Комплект полный, состояние нормальное. Если продавать, я бы начинал примерно с двухсот двадцати, реальная сделка, скорее всего, ниже двухсот. Если один из вас хочет пользоваться — это вполне рабочая вещь.

Ана опустила на корточки перед открытым шкафом и вместо комбайна вытащила с нижней полки широкую коричневую миску.

Глазурь на краю была потёрта, на дне — три светлые царапины. Никакого клейма Дара искать не стала бы: обычная серийная керамика, которую когда-то продавали в любом хозяйственном отделе.

— Вот эту я беру, — сказала Ана.

Виктор посмотрел на миску.

— Серьёзно?

— Да.

— Она стоила десять евро.

— Девять девяносто девять, — сказала Ана. — Ты тогда ещё сказал, что магазин пытается психологически обмануть нас одним центом.

— Значит, покупку я помню.

— Отлично. Комбайн забирай.

— Я не просил его.

— Тогда продадим.

Вера не стала спрашивать, почему миска важнее техники. Ана уже приняла два разных решения, и оба были достаточно ясными.

— Миска — Ана, Северная Пристань, — сказала Вера. — Комбайн пока что?

Виктор открыл ящик с насадками, проверил, что внутри действительно всё лежит, и закрыл.

— Я заберу. В новой квартире кухня больше, чем я ожидал.

— Хорошо.

Маркус наклеил на коробку с комбайном жёлтую адресную полосу. Ана поставила коричневую миску в синюю коробку между двумя кастрюлями и упаковала её в бумагу сама, не особенно тщательно.

Через десять минут они спорили уже о том, кому достанется хороший штопор.

До кофемолки, однако, было ещё два ящика. В первом лежали ножи. Маркус вынес на стол магнитную планку, которую Самир накануне снял со стены, и положил рядом защитные чехлы для лезвий. Хороший поварской нож забирал Виктор, небольшой овощной — Ана. Три дешёвых ножа с расшатанными рукоятками оба согласовали на утилизацию как небезопасные.

— Их нельзя просто в металл? — спросил Виктор.

— Не рассыплю, — сказал Маркус. — Лезвия упакуем отдельно и сдадим по правилам пункта. Никому не нужен сюрприз в мешке.

Самир прошёл мимо с рулоном защитного картона.

— Особенно сюрприз с заточкой.

Во втором ящике были кухонные полотенца, прихватки и восемь маленьких мисок, которые складывались одна в другую только при правильной последовательности. Ана оставила четыре. Виктор — две. Ещё две оказались с трещинами по глазури. Вера показала их владельцам и получила согласие на утилизацию.

Пока Маркус закрывал синюю коробку, Вера взвесила её рукой и попросила переложить две чугунные сковороды отдельно. Коробка с керамикой и металлом одновременно была хорошим способом получить разбитую керамику и недовольного грузчика. Маркус переставил сковороды в низкий усиленный ящик, проложил ручки картоном и подписал адрес Аны.

— Вот это я бы никогда не подумала, — сказала Ана.

— Что сковорода тяжёлая?

— Что коробку можно неправильно собрать не только снизу.

— Можно неправильно сделать почти всё, если положить достаточно чугуна сверху, — сказал Маркус.

Коричневая миска уже лежала в отдельной коробке, завёрнутая в два листа бумаги. Вера заметила, что Ана выбрала её без сомнений, тогда как возле комбайна им понадобилось несколько минут. Она не сделала из этого никакого вывода. В рабочих списках обе строки выглядели одинаково: «ОСТАВИТЬ». Разница существовала только в том, сколько времени человеку потребовалось, чтобы произнести это слово.

Вера любила такие переходы. Они не позволяли предмету слишком долго изображать из себя вывод.

Штопор ушёл Виктору. Тёрка — Ане. Две одинаковые деревянные ложки они разделили без обсуждения. Из четырёх бокалов для шампанского никому не понадобился ни один; их отправили в благотворительную коробку. Маленькую сковороду Виктор сначала забрал, потом вернул, вспомнив размер своей новой варочной панели. Ана тоже не захотела. Маркус отметил её для «Новой Полки».

К полудню стол очистился настолько, что белая карточка возле кофемолки снова стала выглядеть нарочито.

Вера поставила рядом две пустые кружки.

— Вернёмся?

Ана выдохнула.

— Давайте.

— Что изменилось с понедельника?

— Ничего, — сказал Виктор.

— Тогда можно не продолжать.

— Я всё ещё считаю её своей, — сказала Ана.

— И я.

Вера кивнула.

— Мне не нужно выяснять, кто прав. Мне нужно понять, есть ли у вас уже одно решение.

Виктор провёл пальцем по металлическому корпусу.

— Я выбирал модель.

— Я ей пользуюсь чаще, — сказала Ана.

— Ты встаёшь раньше.

— Именно.

— Это не аргумент собственности.

— Я и не говорю, что аргумент.

Они замолчали.

Вера посмотрела на часы. До субботнего рейса оставалось два рабочих дня и сегодняшний остаток. Кофемолка была компактной, её можно было решить и в субботу утром. Она не создавала логистического риска, если не считать того, что белая карточка раздражала обоих владельцев уже четвёртый день.

— Можно оставить до завтра, — сказала Вера.

Ана покачала головой.

— Нет. Виктор, забирай.

Он посмотрел на неё с явным недоверием.

— Почему?

— Потому что я всё равно хочу другую.

— Ты три дня говорила, что эта твоя.

— Она моя настолько же, насколько твоя. Но я не хочу начинать новую кухню с предмета, за который мы ещё неделю будем торговаться.

— Я могу купить новую.

— Можешь. Я тоже.

— Тогда почему мне?

Ана посмотрела на кофемолку.

— Потому что ты выбирал эту модель и до сих пор читаешь инструкцию, когда меняешь помол. Я никогда её не читала.

Виктор помолчал.

— Это не значит, что она мне важнее.

— Я и не сказала, что важнее.

Вера стояла рядом и ждала. Ей не требовалось превращать удачную формулировку в окончательный смысл их брака.

— Согласны оба? — спросила она.

— Да, — сказала Ана.

Виктор ещё секунду смотрел на неё, потом кивнул.

— Да.

Вера сняла белую карточку.

Маркус протёр место под ней сухой салфеткой, потому что пар оставил влажное кольцо, наклеил маленькую жёлтую полосу на съёмный резервуар и записал прибор в маршрут Виктора.

Белых карточек на кухне больше не осталось.

После этого кухня впервые стала пригодна не только для принятия решений, но и для погрузки. Маркус закрыл последние коробки крест-накрест бумажной лентой, оставляя ручки свободными, и перенёс их в две разные зоны столовой. Синие коробки встали ближе к стене, жёлтые — ближе к двери. Кофемолку он не положил к посуде: снял бункер, завернул его отдельно и поставил сам прибор вертикально в небольшой усиленный короб. На внешней стороне написал «НЕ КЛАСТЬ НА БОК».

— Она настолько нежная? — спросил Виктор.

— Нет. Я настолько не хочу высыпать кофейную пыль из двигателя в субботу утром.

Виктор посмотрел на коробку.

— Теперь точно моя.

Ана уже закрывала синий ящик с посудой и даже не обернулась.

После обеда они вернулись в гостиную.

Серое кресло Аны уже было в защитном чехле, ножки лежали в закреплённом пакете. Стеллажи готовились к субботнему рейсу. Диван и низкий столик всё ещё числились на продаже. Маркус снизил предварительное ожидание по дивану после сравнения с похожими объявлениями: выставлять выше семисот не имело смысла, а для сделки до передачи дома, вероятно, придётся опускаться к пятистам пятидесяти — шестистам.

— Пятьсот пятьдесят? — переспросила Ана.

— Это не предложение, — сказал Маркус. — Это диапазон, при котором появляется шанс, что человек сам приедет и вывезет большой восьмилетний диван до понедельника.

— Мы заплатили три двести.

— Я знаю.

— Нет, я понимаю. Просто каждый раз неприятно.

— Это можно записать в описание? — спросил Виктор. — «Каждое снижение цены лично неприятно владельцам».

— Покупатели обожают дополнительную информацию, — сказал Маркус.

Ана согласовала стартовую цену шестьсот пятьдесят с правом снизить до пятисот пятидесяти без отдельного звонка. Виктор подтвердил.

Зелёная карточка на низком столике осталась прежней. За него Маркус поставил девять евро и сказал, что реальная цена может оказаться ближе к шестидесяти.

Старое кресло стояло рядом.

Белая карточка лежала на подлокотнике.

— Здесь ничего не изменилось? — спросила Вера.

— Я его забираю, — сказал Виктор.

— Нет, — сказала Ана.

Маркус тихо взял планшет и ушёл фотографировать диван с другого угла.

Вера села не в кресло, а на край дивана.

— Хорошо. Покупка ничего не дала. Цена ничего не дала. Кому оно нужнее, я определять не буду. Поэтому вопрос только практический: если кресло поедет к вам, где оно будет стоять?

Виктор ответил первым:

— В гостиной. Справа от окна. У меня там колонки и проигрыватель.

— Размер места знаете?

— Метр двадцать примерно. Я вечером измерю точно.

Вера посмотрела на Ану.

— У меня возле окна в общей комнате, — сказала она. — Между стеллажом и балконной дверью.

— Там серое кресло, — заметил Виктор.

— Серое будет с другой стороны.

— У тебя две стороны окна?

— Представь себе.

— Значит, у обоих физически есть место, — сказала Вера. — Это полезно. Но не решает вопрос.

Ана положила ладонь на спинку старого кресла.

— Я на нём по утрам сидела.

Виктор посмотрел на неё.

— Когда?

— По выходным. Пока ты спал. Я читала у окна.

— Последние годы ты сидела в сером.

— Последние четыре. А до него где, по-твоему?

Виктор нахмурился не споря, а вспоминая.

— Я вечером сидел здесь почти всегда.

— Я знаю.

— Музыку слушал.

— Я тоже знаю.

Вера увидела момент, когда спор перестал быть спором о фактах. Оба говорили правду, и это оказалось хуже любой ошибки в чеке. Если бы один из них просто перепутал, кто купил кресло, можно было бы исправить память документом. Но пятнадцать лет оставляли достаточно часов, чтобы одно место по-настоящему принадлежало двум людям в разные части суток.

Она не стала это произносить.

— Тогда пока оставляем белую карточку, — сказала Вера. — До завтра.

— У нас уже мало времени, — сказал Виктор.

— Физически кресло несложное. Если вы решите в пятницу вечером, Самир подготовит его к субботнему рейсу. Если не решите — оно не поедет ни к одному из вас, пока решение не будет совместным. Тогда понадобится отдельный маршрут после основного вывоза.

— И дополнительные часы, — сказал Виктор.

— Возможно.

— Прекрасно. Теперь у кресла есть способность увеличивать счёт.

— Она была у него с первого дня. Просто до пятницы это не мешало логистике.

Ана села на подлокотник серого кресла, которое уже было упаковано.

— Давайте завтра.

Виктор кивнул.

На этот раз он не повторил, что всё равно заберёт старое кресло.

Вера внесла срок решения: тринадцатое февраля, до шестнадцати часов.

Пока они были в гостиной, Маркус принёс из столовой две коробки из зоны «ОТЛОЖИТЬ». В одной лежали настольные игры, во второй — мелкая электроника и провода, которые вчера не успели проверить.

Игры разделились быстро. Две забрала Ана, одну Виктор, три полных комплекта пошли в благотворительность. Коробку старого роутера Виктор согласовал в электроотходы. Два кабеля без понятного назначения Самир проверил и определил как обычные силовые провода; один пригодился Виктору, второй никому не был нужен.

К четырём в доме стало заметно меньше мелких решений.

Это не делало его пустым.

В спальне по-прежнему лежали панели шкафа. В кабинете ждали субботы стол Виктора и тумба. В гостевой комнате выросла зона благотворительности. В гостиной продавались диван и низкий стол. Ковёр всё ещё оставался серым: Ана попросила время до завтра и имела на это право. Старое кресло оставалось белым.

Перед уходом Вера прошла по дому вместе с Маркусом.

— «Дом Снова» подтвердил металлические стеллажи? — спросила она.

— Да. Заберут в субботу утром вместе с остальной партией. Четыре кастрюли тоже согласованы через «Новую Полку».

— Офисное кресло?

— Разбор материалов в понедельник. Пока остаётся в зоне утилизации.

— Диван?

— Объявление опубликовано. Ноль сообщений за двадцать минут, что пока не является статистикой.

— Кофемолка?

Маркус показал на жёлтую коробку возле кухни.

— Виктор. Согласие обоих записано.

Вера закрыла список.

В гостиной Ана уже надевала пальто. Виктор стоял у окна и смотрел в телефон.

На низком столике зелёная карточка «ПРОДАТЬ» лежала рядом с небольшим круглым следом от кружки, который не ушёл после влажной салфетки.

На кресле — белая.

Два предмета стояли меньше чем в метре друг от друга.

Один они оба готовы были отдать незнакомому человеку за шестьдесят—девяносто евро.

Второй не хотели уступить друг другу примерно за ту же сумму.

Вера не стала искать в этом правило.

Она только проверила, что обе карточки остались на своих местах, выключила свет в гостиной и закрыла дверь.

ГЛАВА 8

16 февраля

В понедельник дом Пеллов звучал иначе.

Не тише — пустой дом никогда не был по-настоящему тихим. В нём громче отдавались шаги, скребла по полу щётка, хлопали двери шкафов, которые раньше глушила одежда. Просто теперь каждый звук успевал дойти до другой стены.

Вера вошла в восемь сорок и остановилась в прихожей, чтобы не наступить на свернутую защитную дорожку. Самир уже снимал малярную ленту с плинтуса. В столовой Маркус проверял последние позиции в планшете.

Основной переезд прошёл в субботу. Шкаф Аны уехал в Северную Пристань шестью панелями и, по сообщению Самира, собрался обратно без лишних деталей — достижение, которое он считал более важным, чем большинство людей. Серое кресло, два стеллажа и синие коробки отправились туда же. Стол Виктора, тумба, телевизор, кофемолка и жёлтые коробки — в Клин.

«Дом Снова» забрал металлические стеллажи из кабинета. «Новая Полка» — посуду, текстиль, игры и остальные согласованные вещи. Ковёр не приняли из-за пятен и общего состояния; после ещё одного разговора Ана и Виктор согласовали его как крупногабаритный отход. Он уехал в субботу вместе с тем, чему действительно не нашлось второго маршрута.

Диван всё-таки продан. Маркус снизил цену в пятницу вечером до пятисот девяноста евро, а в субботу утром приехала пара из Вельды, посмотрела на вытертый подлокотник и предложила пятьсот семьдесят. Ана и Виктор подтвердили сумму оба. Покупатели разобрали секции вместе с Самиром и увезли диван своим фургоном.

От первоначальных трёх тысяч двухсот осталось число, которое было неприятно видеть в отчёте, но вполне устраивало рынок.

В доме оставались вещи не потому, что команда забыла о них. Наоборот, каждая из них оставалась по конкретной причине.

Старый напольный вентилятор ждал сегодняшнего рейса электроотходов. Офисное кресло из кабинета — разбора на металл, пластик и неперерабатываемую часть. В столовой стояли четыре крепких стула и большой стол, которые «Дом Снова» согласился забрать сегодня после того, как Самир подтянул соединения. Два остальных стула оказались слишком расшатанными для передачи и были разобраны на дерево и смешанный остаток.

И ещё в гостиной стояли два предмета.

Старое рыжее кресло.

И низкий столик.

На кресле всё ещё лежала белая карточка «НЕ ТРОГАТЬ».

На столике — зелёная «ПРОДАТЬ».

За столиком никто не написал ни разу.

— Я начинаю его уважать, — сказал Маркус, когда Вера подошла. — Четыре дня в интернете, девяносто евро, хорошие фотографии, нормальные размеры. Полная невидимость.

— Ты снижал?

— Вчера до семидесяти. В пределах согласованного. Ноль.

Вера провела пальцем по краю столешницы. Под лаком было видно дерево; на одном углу осталась светлая потёртость. Никакой выдающейся мебели. Низкий дубовый столик, достаточно крепкий, чтобы простоять ещё двадцать лет, и достаточно обычный, чтобы никому не понадобиться именно на этой неделе.

— Сегодня к трём дом должен быть пустым, — сказала она.

— Поэтому я жду решения. Если его всё ещё продавать, на склад ради семидесяти евро я бы не вёз.

— Я тоже.

Транзитное хранение, фотографии, выдача покупателю и несколько переносов могли съесть больше рабочего времени, чем принесла бы комиссия. Иногда вещь имела вторичный рынок в теории и не имела экономического смысла для профессиональной продажи на практике.

— Если владельцы не захотят забрать, предложим благотворительность, — сказала Вера. — Если не примут — дальше по их решению.

Маркус кивнул.

— Кресло?

— Ждём обоих.

В пятницу к шестнадцати часам решения не было. Ана попросила оставить его до понедельника. Виктор согласился, хотя напомнил, что дополнительный маршрут будет стоить дополнительных часов. В субботу они не вернулись к спору: мебель грузилась, адреса звонили, лифт в доме Аны дважды удерживал дверь на неправильном этаже, и старое кресло осталось там, где стояло всю неделю.

Вера не считала это провалом. Белая карточка как раз и существовала для того, чтобы команда не превращала дедлайн в третьего владельца.

Ана приехала без десяти девять. Виктор — через семь минут после неё.

Они вошли почти одновременно и оба остановились в гостиной.

Пустая комната делала кресло крупнее, чем оно было. Без дивана, серого кресла, стеллажей и коробок оно стояло ближе к центру, хотя никто его не двигал. Низкий столик оставался сбоку, на прежнем месте.

— Ненавижу пустые комнаты, — сказала Ана.

Виктор оглядел стены.

— Через сутки это уже будет не наша проблема.

— Я не сказала, что это проблема.

— Я знаю.

Вера открыла карточку объекта.

— Нам сегодня нужно закрыть две позиции. Потом Самир и Маркус вывозят остаток, в три приходит клининговая бригада на предварительный осмотр, завтра утром — уборка и передача покупателю. Если вы готовы, начнём с кресла.

— Готовы, — сказала Ана.

Виктор посмотрел на неё.

— Мы?

— Я готова.

Он ничего не ответил.

Ана подошла к креслу, сняла белую карточку и протянула её Вере.

— Пусть едет к Виктору.

Вера не сразу взяла карточку.

— Это ваше совместное решение?

— Моё решение — больше не претендовать на него.

Она посмотрела на бывшего мужа.

— Если ты всё ещё хочешь.

— Хочу, — сказал Виктор.

— Тогда забирай.

Он провёл ладонью по деревянному подлокотнику.

— Ты уверена?

— Да.

— Почему?

Ана пожала плечами.

— Потому что ты всё равно представил для него место раньше, чем я.

— Ты тоже представила.

— Представила. Но у тебя там проигрыватель.

— Это очень серьёзный критерий собственности.

— Я не говорю про собственность.

Вера ждала.

Ана посмотрела на окно, потом на кресло.

— Я сидела здесь утром. Ты вечером. У меня будет другое утро в другой квартире. А музыка у тебя, скорее всего, останется та же.

Виктор чуть усмехнулся.

— Соседи уже выразили надежду, что нет.

— Видишь. Кресло понадобится для переговоров.

Они оба улыбнулись, но никто не сделал из этого примирение.

— Подтверждаете? — спросила Вера.

— Да, — сказал Виктор.

— Да, — сказала Ана.

Вера изменила строку в системе: «ОСТАВИТЬ — Виктор. Адрес: Клин». Белая карточка перестала быть нужна.

Самир, стоявший в дверях, наконец достал рулетку.

— Я ждал этого момента неделю.

— Оно пройдёт? — спросил Виктор.

Самир посмотрел на него.

— Не разрушайте мне утро.

Он измерил максимальную ширину кресла, затем высоту и глубину. Ножки были на резьбе, две открутились рукой, третья потребовала ключа, четвёртая сначала сделала вид, что является частью истории семьи и не намерена никуда переезжать.

— Она всегда такая, — сказал Виктор.

— Ножка?

— Да. Я как-то подкручивал.

— Вы её затянули от всей души.

— Я тогда был моложе.

— Сила есть, момента затяжки нет.

Самир удержал раму, Виктор придержал подлокотник, и ножка всё-таки пошла. Самир сложил четыре ножки в пакет, добавил крепёж и закрепил его под сиденьем.

Кресло перестало выглядеть как спор. Оно стало мебелью, подготовленной к перевозке.

Ана всё это время стояла возле низкого столика.

Когда Самир закончил, она сказала:

— А этот я заберу.

Маркус поднял глаза от планшета.

— Столик?

— Да.

— Он сейчас в продаже.

— Снимайте.

Вера посмотрела на неё.

— Вы уверены? До сегодняшнего дня категория была «ПРОДАТЬ».

— Я знаю.

Виктор удивился больше всех.

— Тебе нужен этот столик?

— Оказывается, да.

— Ты ни разу не говорила.

— Потому что думала, что он мне не нужен.

— А теперь?

Ана провела пальцами по светлому кругу на столешнице.

— Я ставила сюда чашку по утрам. И книги. В сером кресле у меня столика такого размера нет.

— Ты хочешь его вместо кресла? — спросил Виктор.

Она покачала головой.

— Нет. Не вместо. Кресло твоё не потому, что я получаю компенсацию. Я просто хочу столик.

Это было достаточно ясным решением.

Вера уточнила только право собственности. Столик был совместной покупкой, и Виктор должен был согласиться на изменение ранее общей категории «продать».

— Возражаете? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — Я вообще не знал, что он ей нравится.

— Мне тоже потребовалось пятнадцать лет и развод, — сказала Ана.

— Эффективно.

— Мы не торопились.

Маркус снял объявление. Зелёную карточку заменил синей с адресом Северной Пристани.

— Хорошо, что никто не купил, — сказала Ана.

— Для вас — да, — ответил Маркус. — Для моих показателей продаж это менее убедительно.

Виктор ещё раз посмотрел на столик.

— Я думал, ты его не любишь.

— Почему?

— Ты всё время говорила, что на нём видно каждый круг от чашки.

— Это не значит, что я его не люблю. Это значит, что на нём видно каждый круг от чашки.

— Я много лет считал это одним и тем же.

— Теперь у тебя будет шанс жить без этой ошибки.

Он усмехнулся.

Вера спросила, когда Ана впервые решила оставить столик.

— Не знаю. Наверное, в субботу, когда его не погрузили. В новой квартире поставили серое кресло, и рядом оказалось пустое место. Я подумала, что надо купить что-нибудь маленькое. Потом поняла, что у меня уже было маленькое. Здесь.

— Почему не сказали в субботу?

— Потому что в субботу у меня одновременно спрашивали, куда ставить шкаф, можно ли закрыть лифт и чья коробка с надписью «ВАННАЯ», если внутри почему-то три книги. Я решила, что столик доживёт до понедельника.

— Это была моя коробка, — сказал Виктор.

Ана посмотрела на него.

— Почему у тебя книги в ванной?

— Не в ванной. В коробке.

— Это не улучшает ответ.

Маркус быстро проверил журнал.

— Коробка была Виктора, этикетку перенесли со старой тары. Книги приехали в Клин, ванная не пострадала.

— Отлично, — сказала Ана. — Значит, развод окончательно прошёл без литературной катастрофы.

Вера внесла изменение не только в маршрут, но и в согласование собственности. Для совместно купленного столика отметила подтверждение обоих и снятие позиции с продажи до сделки. Это было важно даже при нулевой фактической цене: если вещь уже обещана покупателю, передумать можно не всегда. Здесь обещать было некому. Ни сообщений, ни брони, ни оплаты. Только объявление, которое Маркус удалил за несколько секунд.

— На этом спорные позиции закончились, — сказала Вера.

— Звучит официально, — заметил Виктор.

— Это и есть официально. Всё остальное может быть неловким, но хотя бы маршруты теперь определены.

Вера посмотрела на два предмета рядом.

За неделю они проверили цену, место, историю покупки и физическую возможность перевезти кресло. Ни один критерий не дал ответа. Ответ появился только тогда, когда Ана решила, что хочет оставить не само кресло, а другой предмет из той же части комнаты.

Но Вера не сказала этого вслух. Возможно, Ана решила совсем не поэтому. Люди имели неприятную привычку не помещаться в хорошие объяснения даже тогда, когда эти объяснения были правдоподобными.

К десяти часам Самир и Маркус вынесли кресло в фургон. Оно пошло первым, чтобы на коротком рейсе до Клина его можно было поставить у перегородки и закрепить двумя ремнями. Столик завернули в мебельное одеяло, ножки не снимали: он был достаточно маленьким, чтобы пройти в подъезд Аны целиком.

— Сначала Клин, потом Северная Пристань? — спросил Маркус.

— Да, — сказал Самир. — Столик легче кресла, поэтому пусть ждёт сверху, а не наоборот.

— Сверху на кресле?

Самир посмотрел на него.

— Ты сегодня решил проверить мои профессиональные чувства?

— Я уточняю терминологию.

— В другой части фургона, Маркус.

Они погрузили вещи и вернулись за остатком столовой.

«Дом Снова» приехал в половине одиннадцатого. Четыре стула Самир ещё раз проверил на люфт, большой стол разобрал на столешницу и опору. Приёмщик сфотографировал состояние, сверил позицию и подписал акт. Стол и четыре стула уехали не потому, что внезапно оказались ценными, а потому, что организации как раз требовалась обычная крепкая мебель.

Два разобранных расшатанных стула отправились другим маршрутом. Деревянные части, пригодные для приёма, отделили от крепежа; повреждённые смешанные элементы ушли в крупногабаритную утилизацию. Самир делал это без торжественности человека, победившего отходы. Любая разборка всё равно оставляла часть, которую нельзя было пристроить красиво.

Старый вентилятор Маркус поставил в секцию электроники. Офисное кресло Самир перевернул, снял металлическое основание, ролики и газлифт. Металл отправлялся в переработку, пластик — по допустимой фракции, порванное сиденье и часть наполнителя — в остальные отходы.

Вера сверяла строки по мере того, как предметы покидали дом.

К двенадцати в столовой не осталось ничего.

На паркете виднелись светлые прямоугольники там, где много лет стояли ножки серванта и стола. Вера открыла обе дверцы встроенной ниши, проверила полки и закрыла. Пусто.

В кухне Маркус выдвинул последний ящик. Внутри лежала одна пластиковая мерная ложка.

— Чья? — спросил он.

Ана и Виктор посмотрели на ложку.

— Не моя, — сказал Виктор.

— Она была от протеина, — сказала Ана.

— Значит, твоя.

— Протеин был твой.

— Я никогда не покупал протеин.

Маркус держал ложку между двумя пальцами.

— Я чувствую опасность нового сюжетного ответвления.

Ана взяла её.

— Утилизация.

— Совместное решение? — спросила Вера.

— Да, — сказал Виктор.

Ложка исчезла в соответствующем пакете быстрее, чем кофемолка за четыре дня.

После кухни они прошли комнаты сверху вниз. В спальне не осталось панелей шкафа, коробок или одежды. Кабинет был пуст. В гостевой комнате — тоже ничего, кроме складной стремянки «Второго адреса», которую Маркус немедленно унёс, пока она не получила категорию имущества клиента.

В гостиной Самир снял защиту с угла и сложил дорожку.

Ана стояла у окна. Виктор — возле двери.

— Всё? — спросил он.

Вера посмотрела в планшет.

— По имуществу — да. Сегодня ещё уйдут наши материалы и отходы. В три клинеры осмотрят помещение, завтра работают с восьмью. После уборки вы принимаете пустой объект и передаёте ключи покупателю.

— И счёт? — спросила Ана.

— Финальный после закрытия фактических часов, утилизации и продаж. Дополнительный сегодняшний маршрут кресла и столика входит в отработанное время фургона, но добавит примерно полтора часа к плану. Вы просили всё делить пополам, если отдельная ответственность не согласована иначе. Оставляем так?

Ана посмотрела на Виктора.

— Да.

— Да, — сказал он.

— Хорошо.

Виктор прошёл в центр пустой комнаты и остановился на месте, где стоял диван.

— Странно, что здесь вообще столько помещалось.

— Особенно шкаф, — сказал Самир из прихожей.

— Шкаф был наверху.

— Я всё ещё о нём думаю.

Ана засмеялась.

Потом они стали собираться.

Никаких последних речей не было. Ана проверила, что забрала зарядку телефона. Виктор нашёл в кармане второй ключ от калитки и положил его на кухонную столешницу. Маркус попросил обоих ещё раз подтвердить номер счёта для перечисления денег за диван после удержания комиссии.

У двери Ана сказала Виктору:

— Когда кресло поставишь, пришли фотографию. Хочу проверить, действительно ли оно туда помещается.

— А если нет?

— Тогда не звони мне.

— Справедливо.

Она ушла первой.

Виктор задержался на минуту, проверил окно в гостиной и тоже вышел.

Вера закрыла за ними дверь, но ключ остался у неё только до завтрашней уборки.

К половине второго Самир и Маркус уехали на короткий маршрут: сначала кресло в Клин, затем столик в Северную Пристань, потом электроника и материалы на соответствующие пункты. Вера осталась ещё на двадцать минут, проверяя комнаты по финальному чек-листу.

Гостиная.

Столовая.

Кухня.

Кабинет.

Две спальни.

Ванная.

Кладовая.

В каждой строке она поставила «освобождено».

На экране это выглядело значительно проще, чем неделю работы.

Вера выключила свет и вышла.

Вечером, уже дома, она поставила чайник и открыла телефон, чтобы проверить, прислал ли Маркус подтверждение по дивану.

В уведомлениях было письмо от склада «Куб».

Ежемесячное хранение. Сто семьдесят шесть евро.

Вера открыла приложение банка, нажала сохранённый платёж и подтвердила его отпечатком пальца. Экран показал зелёную галочку.

Она закрыла приложение прежде, чем чайник успел закипеть.

КАРТОЧКА ОБЪЕКТА

Объект: квартира 37

Площадь: 57 м²

Срок: 4 рабочих дня

Основание: освобождение имущества

Предварительный объём: 17 м³

ЧАСТЬ III. ПЛАТЬЕ

ГЛАВА 9

18 марта

Ключ повернулся ту же, чем Ника ожидала, и она дважды толкнула дверь плечом, прежде чем замок отпустил.

— Он всегда так делал, — сказала она, хотя никто не спрашивал. — Мама хотела вызвать мастера. Потом решила, что это лишние деньги.

Вера придержала дверь, пока Самир заносил складную тележку и два пустых короба. На площадке пахло мокрой шерстью и чем-то жареным с первого этажа. Снаружи был мартовский дождь, из тех, что не выглядят настоящей погодой, но через десять минут делают рукава тяжёлыми.

Нике Эрвен было тридцать четыре. В договоре она указала себя единственным человеком, имеющим право распоряжаться движимым имуществом в квартире, и приложила подтверждающий документ. «Второй адрес» проверил это ещё до первого выезда. Других владельцев у вещей не было, спорных позиций в заявке тоже.

На бумаге заказ выглядел простым.

Пятьдесят семь квадратных метров. Один владелец решений. Четыре рабочих дня.

Вера давно знала, что первые два пункта не гарантируют третьего.

Ника сняла мокрое пальто и повесила его на крючок в прихожей.

— Я вчера ещё раз всё посмотрела. Думаю, мы управимся быстро.

— Возможно, — сказала Вера.

— Я серьёзно. Мебель мне почти не нужна. Технику тоже. Документы я заберу. Остальное можно отдавать.

Самир посмотрел на закрытую дверь спальни, потом на Веру.

Она заметила, но ничего не сказала.

В гостиной стояли диван с низкой спинкой, круглый стол, два кресла, книжный шкаф и телевизор на тумбе. Ника уже приклеила к нескольким предметам бумажные полоски, вырезанные из блокнота. На диване было написано «отдать», на телевизоре — «не нужен», на книжном шкафу — «продать?».

Маркус, пришедший следом с папкой этикеток, снял куртку и прочитал последнюю надпись.

— Знак вопроса считается отдельной категорией?

— У нас для него серые карточки, — ответила Вера.

— Конечно. У нас есть цвет для сомнения.

Ника впервые улыбнулась.

— Я знала, что нанимаю правильных людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.